

О.И. Киянская

ЮЖНЫЙ БУНТ

Восстание
Черниговского
пехотного полка

Оксана Киянская

**Южный бунт. Восстание
Черниговского пехотного полка**

«Неолит»

2015

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Киянская О. И.

Южный бунт. Восстание Черниговского пехотного полка /
О. И. Киянская — «Неолит», 2015

ISBN 978-5-00091-162-4

Книга посвящена одному из самых трагичных эпизодов движения декабристов – восстанию Черниговского пехотного полка. Привлекая новые архивные материалы, автор анализирует состояние тайных обществ накануне восстания, сделана попытка описать причины восстания, его ход и последствия. Показана историческая неизбежность поражения южных декабристов, не сумевших справиться со стихией солдатского бунта. Книга предназначена всем, кто интересуется отечественной историей.

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00091-162-4

© Киянская О. И., 2015
© Неолит, 2015

Содержание

Введение. «Nos amis de quatorze»	6
Глава I. «Человек, опасный для России»	9
Глава II. «Канцелярия непроницаемой тьмы»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Оксана Киянская
Южный бунт. Восстание
Черниговского пехотного полка

© Киянская О. И., 2015

© Издательство «ФОРУМ», 2015

© Издательский дом «НЕОЛИТ», 2015

Введение. «Nos amis de quatorze»

14 декабря 1825 года на морозной Сенатской площади в Петербурге было расстреляно картечью недвижимое каре из трех полков, выведенных на площадь мятежными офицерами, мечтавшими о реформах и конституции.

Участник восстания, морской офицер Николай Бестужев, вспоминал: «Первая пушка грянула, картечь рассыпалась; одни пули ударили в мостовую и подняли рикошетами снег и пыль столбами, другие вырвали несколько рядов из фрунта, третьи с визгом пронеслись над головами и нашли своих жертв в народе, лепившемся между колонн сенатского цоколя и на крышах соседних домов. Совершенная тишина царствовала между живыми и мертвыми. Я... стоял точно в том же положении, смотрел печально в глаза смерти и ждал рокового удара; в эту минуту существование было так горько, что гибель казалась мне благополучием». А Михаил Сперанский, выглянув вечером 14 декабря в окно на Сенатскую площадь, с отчаянием произнес: «И эта штука не удалась!»¹ Спустя две недели в маленьком городе Василькове, под Киевом, восстал Черниговский полк. Восставшие продержались пять дней, после чего тоже были расстреляны картечью.

В декабре 1825 года в России «переломилось время». Исчезли воспитанные Отечественной войной отважные «люди двадцатых годов». По словам Юрия Тынянова, «лица удивительной немоты появились сразу, тут же на площади, лица, тянущиеся лосинами щек, готовые лопнуть жилами. Жилы были жандармскими кантами северной небесной голубизны...».

Император Николай I, восшествие которого на престол было омрачено этим «досадным происшествием», иронически называл декабристов «Mes amis de quatorze» («Мои друзья четырнадцатого») – и надеялся, что имена его «друзей» вскоре забудутся. Однако почти два столетия спустя можно констатировать: император ошибся, декабристы не только не истерлись из активной исторической памяти, но сделались образцом и идеалом для нескольких поколений российских вольнодумцев, даже и не склонных к мятежам.

О декабристах написаны сотни книг и тысячи статей, сняты документальные и художественные фильмы. За более чем 180 лет они стали нашими «друзьями четырнадцатого», «nos amis de quatorze».

История тайных обществ, казалось бы, хорошо изучена, но остается не разрешенным главный вопрос: зачем декабристам была нужна революция?

Хорошо осознанные истины о «чистоте намерений» членов тайных обществ, о революционном «духе времени», об экономической и социальной отсталости России, о «производительных силах» и «производственных отношениях», об ужасах крепостного права еще не способны объяснить, почему молодые офицеры, отпрыски лучших фамилий Империи, в 1816 году вдруг решили составить антиправительственный заговор. Зачем они избрали для себя скользкую дорогу политических заговорщиков, через 10 лет окончившуюся для некоторых – виселицей, а для большинства – сибирской каторгой?

Узнав о 14 декабря, престарелый Федор Ростопчин произнес знаменитую фразу: «Во Франции повара хотели попасть в князья, а здесь князья – попасть в повара».

Так же оценивал цели движения и ровесник декабристов князь Петр Вяземский: «В эпоху французской революции сапожники и тряпичники хотели сделаться графами и князьями, у нас графы и князья хотели сделаться тряпичниками и сапожниками»².

¹ Воспоминания Бестужевых. СПб., 2005. С. 41–42; Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 158.

² Лернер Н. Ad Decabristiana // Бунт декабристов. Юбилейный сборник. 1825–1925. Л., 1926. С. 398–399.

Подобные формулировки, конечно, никак не объясняют смысл движения. Как не объясняют его и общие фразы о том, что декабристы хотели принести себя в жертву ради дела освобождения крепостных крестьян – действовали «для народа, но без народа».

Если бы главной целью декабристов действительно было крестьянское освобождение, то для этого им было вовсе не обязательно, рискуя жизнью, организовывать политический заговор. Тем из них, кто владел крепостными «душами», стоило только воспользоваться указом Александра I от 20 февраля 1803 года – указом о вольных хлебопашцах. И отпустить на волю собственных крепостных. Согласно этому указу помещикам разрешалось освобождать крестьян целыми общинами – с обязательным наделением их землей.

Известно, что никто из участников тайных обществ этим указом не воспользовался и официально крестьян не освободил. Более того, летом 1825 года, за несколько месяцев до восстания Черниговского полка, его будущие участники совершенно бестрепетно подавили крестьянские волнения в украинской деревне Германовка.

Причина возникновения движения декабристов отнюдь не в сочувствие дворянства народу. Просто в условиях абсолютизма и сословности человек четко понимает предел собственных возможностей: если его отец всю жизнь «землю пахал», то и его удел быть крестьянином, если отец – мещанин или торговец, то и судьба сына, скорее всего, будет такой же. А если отец – дворянин, генерал или вельможа, то эти ступени вполне достижимы и для его детей. И при этом никто из подданных сословного государства: ни крестьянин, ни мещанин, ни дворянин никогда не будут принимать реального участия в управлении государством, не станут политиками. Политику в сословном обществе определяет один человек – монарх. Остальные, коль скоро они стоят близко к престолу, могут заниматься политическими интригами.

В подобном обществе мыслящему человеку тесно. Тесно, независимо от того, из какого он рода, богат он или беден. Более того, чем человек образованнее, тем острее он эти рамки ощущает. Так, еще Александр Радищев писал о «позлащенных оковах», сковавших русское дворянство. А людям начала XIX века, образованным офицерам, прошедшим войну, смириться с таким положением вещей было никак невозможно. «В отношении дворянства вопрос о реформе ставится так: что лучше – быть свободным вместе со всеми или быть привилегированным рабом при неограниченной и бесконтрольной власти?... Истинное благородство – это свобода; его получают только вместе с равенством – равенством благородства, а не низости, равенством, облагораживающим всех», – утверждал декабрист Николай Тургенев³.

Декабристы мыслили себя прежде всего политиками. Более того, политиками, ставившими перед собою цель ниспровергнуть существующий режим, сломать абсолютизм и сословность. Цель определяла средства, в том числе и такие, которые не согласовывались с представлениями о поведении дворянина и офицера: цареубийство, финансовые махинации, подкуп, шантаж и т. п.

Но движение декабристов не сводимо только лишь к «грязным» средствам достижения сомнительной с исторической точки зрения цели.

Составляя заговор, декабристы не могли не знать, что по российским законам, в которых умысел на совершение государственного преступления приравнивался к самому деянию, за то, чем они занимались на протяжении почти десяти лет, вполне можно заплатить жизнью. Не могли не знать, что Империя сильна, что сила – не на их стороне и что добиться торжества их собственных идей будет трудно, практически невозможно. Знали – но все же вели смертельно опасные разговоры, писали проекты конституций, выводили полки на Сенатскую площадь и в степи под Киевом.

Собственно, члены тайных обществ остались в активной исторической памяти именно потому, что впервые попытались открыто протестовать против ограничения прав. Более того,

³ Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001. С. 385.

они стали символом борьбы за человеческие права. Едва ли не каждый, кто мыслил себя в оппозиции режиму (монархическому, советскому или постсоветскому), так или иначе ассоциировал себя с декабристами. Декабристы стали символом российской интеллигенции.

Мог ли мятеж «кончиться удачей»? Трудно сказать. С одной стороны, бурное «осмнадцатое столетие» было богато успешными переворотами. Но, с другой стороны, все 10 лет существования тайных обществ лидеры заговора не могли найти общий язык, не могли договориться о том, кто будет главным в новом российском правительстве. Заговорщики не сумели договориться и о совместных действиях, и это значительно уменьшало их шансы на успех.

Однако победа императора Николая I над декабристами обернулась для него историческим поражением.

Случайный путешественник-француз, пораженный устройством русского государственного механизма, писал о нем: «Россия – империя каталогов; она замечательна, если читать ее как собрание этикеток; но бойтесь заглянуть дальше заголовка! Если вы откроете книгу, то не найдете ничего из обещанного: все главы в ней обозначены, но каждую еще предстоит написать»⁴.

«Империя каталогов» рухнула в 1855 году в катастрофе Крымской войны. И даже самые рьяные защитники этой Империи были вынуждены признать ее крах.

Монархист Федор Тютчев написал на смерть Николая I стихотворение:

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые, и злые, –
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

Неудача же декабристов не помешала им победить в иной плоскости – моральной и нравственной. Не без помощи Александра Герцена возникла знаменитая декабристская легенда, мощно влиявшая на русское общественное сознание и культуру (от стихов Пушкина до песен Александра Галича и фильма «Звезда пленительного счастья»). И именно поэтому многие интеллектуалы могут сказать сегодня: декабристы – «*nos amis de quatorze*».

⁴ Кюстин А., де. Россия в 1839 году. М., 1996. Т. 1. С. 249.

Глава I. «Человек, опасный для России»

Тайные общества, которые в исторической науке принято называть декабристскими, – важный феномен общественной жизни России начала 1820-х годов. Трагическим событиям декабря 1825 – января 1826 года, двум восстаниям: в Петербурге и под Киевом, предшествовала десятилетняя история развития нелегальных организаций. Возникнув в начале 1816 года, Союз спасения был в 1818 году преобразован в Союз благоденствия. Через три года организация эта была распущена, а на ее месте возникли две новые: Южное и Северное тайные общества.

Все годы существования заговора прошли под знаком не только постоянных политических дискуссий, обсуждения планов и программ, но и под знаком серьезных личных разногласий заговорщиков. Наибольшие споры вызывала личность Павла Пестеля.

* * *

К 1825 году, времени безуспешных попыток участников тайных обществ силой воплотить в жизнь программу политических реформ, Пестель был уже признанным лидером заговора. Однако отзывы о нем других заговорщиков противоречивы.

«Образ действий Пестеля возбуждал не любовь к Отечеству, но страсти, с нею не совместимые», – утверждал в мемуарах декабрист Сергей Трубецкой. Человеком, опасным «для России и для видов Общества», считал Пестеля Кондратий Рылеев⁵. «Какова была его цель? – задавался вопросом знавший Пестеля журналист Николай Греч. – Сколько я могу судить, личная, своекорыстная. Он хотел произвести суматоху и, пользуясь ею, завладеть верховною властью в замышляемой сумасбродами республике... Достигнув верховной власти, Пестель... сделался бы жесточайшим деспотом».

А, например, другой декабрист, Сергей Волконский, создавая на закате жизни свои мемуары, «полагал своей обязанностью» «оспорить убеждение... что Павел Иванович Пестель действовал из видов тщеславия, искал и при удаче захвата власти, а не из чистых видов общих – мнение, обидно памяти того, кто принес свою жизнь в жертву общему делу». Противоречивость Пестеля отмечали и историки. Так, например, В. С. Парсамов считает, что в его личности «столкнулись две национально-культурные стихии: немецкий рационализм и русская широта души»; по его мнению, между этими «стихиями» не было «серединного примиряющего начала»⁶.

Павел Пестель по рождению принадлежал к кругу высшей петербургской бюрократии. Он был старшим сыном крупного российского сановника с одиозной исторической репутацией, в 1806–1819 годах занимавшего пост генерал-губернатора Сибири, Ивана Борисовича Пестеля. У Павла Пестеля было три младших брата – Владимир, Борис и Александр, и младшая сестра Софья.

В 1811 году, накануне войны, Пестель окончил Пажеский корпус – лучшее военное учебное заведение России. Судя по сохранившимся корпусным ведомостям, все корпусные «науки» давались ему одинаково «блестяще», по большинству из них он имел максимально возможные

⁵ Восстание декабристов. Документы и материалы (далее – ВД). М.; Л., 1925. Т. I. С. 174.

⁶ Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 229; Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 258; Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 371. Ср.: Парсамов В. С. К характеристике личности П. И. Пестеля // Освободительное движение в России: Межвузовский научный сборник. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 11.

оценки – «баллы». В ежегодных учебных рейтингах он неизменно лидировал⁷. Пестель окончил корпус первым в выпуске, и его имя было занесено на почетную мраморную доску.

После окончания корпуса, в 1811 году, получил чин прапорщика в гвардейском Литовском полку.

Через полгода после выпуска началась Отечественная война. Вчерашний камер-паж прошел боевое крещение в Бородинской битве. Он был тяжело ранен в ногу и получил свою первую награду – золотую шпагу. До конца так и не излечившись от раны, он догнал действующую армию за границей, стал адъютантом генерала от кавалерии графа Витгенштейна – главнокомандующего всеми войсками антинаполеоновской коалиции.

Согласно послужному списку «витгенштейнов адъютант» проявлял чудеса храбрости почти во всех знаменитых битвах 1813–1814 годов: воевал под Дрезденом и Кульмом, участвовал в «битве народов» под Лейпцигом, в сражениях при Бар-Сюр-Об и Троа. Его храбрость была вознаграждена российскими орденами Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени, австрийским орденом Леопольда 3-й степени, баденским орденом Карла Фридриха. Получил Пестель и высший прусский военный орден – Пурлемерит («За достоинство»)⁸.

Однако согласно имеющимся в распоряжении историков сведениям тяжелая рана молодого офицера не зажила и к концу 1813 года. Из нее по-прежнему выходили осколки кости, и он по-прежнему передвигался в основном на костылях⁹. Более того, по свидетельству лечившего Пестеля лейб-медика Якова Виллие, и в 1816 году раненая нога постоянно опухала, причиняя «жестокую боль», молодой офицер с трудом мог ходить¹⁰. Между тем, задача адъютанта во время сражения заключалась в том, чтобы передавать войскам приказы своего начальника, от расторопности адъютанта во многом зависел исход той или иной битвы. Следовательно, в качестве адъютанта Пестель был Витгенштейну бесполезен, в действительных сражениях он физически участвовать не мог.

С. Н. Чернов считал Пестеля-декабриста «большим мастером политической разведки»¹¹. Вероятно, первые навыки разведывательной деятельности – конечно, пока еще не связанные с «политикой» – Павел Пестель получил именно на войне. Военная служба Пестеля в 1813-1814 годах – это не просто деятельность адъютанта. Сохранилось немало сведений об особом рода «заданиях», которые ему довелось выполнять.

Об одном из них – очевидно, первом в карьере Павла Пестеля – есть упоминание в письмах его родителей. Так, мать Пестеля в июле 1813 года радовалась, что сын успешно справился с «поручениями», которые были на него возложены русским и австрийским императорами; в письме речь шла и о каких-то важных документах, которые он доставил Витгенштейну. Публикатор семейной переписки Н. А. Соколова справедливо считает, что в данном случае речь идет об участии Пестеля «в качестве курьера в переговорах, которые велись в июне 1813 года» между двумя императорами, в результате которых Австрия обязалась присоединиться к антинаполеоновской коалиции¹². В августе 1813 года Пестель получает чин поручика.

Из документов следует, что этими «поручениями» военная деятельность Пестеля не ограничилась¹³. В дни «битвы народов» под Лейпцигом он покупает у лейпцигского аптекаря

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 35. Оп. 1/242, св. 33. Д. 1. Л. 6 об. – 7.

⁸ ВД. М.; Л., 1927. Т. IV. С. 6–7.

⁹ Соколова Н. А. Военные страницы биографии П. И. Пестеля // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.; Кишинев, 2000. С. 115.

¹⁰ РГВИА. Ф. 395. Оп. 60, 2 отд., 1 ст., 1816. Д. 142. Л. 3.

¹¹ Чернов С. Н. Декабрист П. Ив. Пестель. Опыт личной характеристики // Павел Пестель: Избранные статьи по истории декабризма. СПб., 2004. С. 133.

¹² Соколова Н. А. Указ. соч. С. 105, 122.

¹³ См. об этом: Киянская О. И. Пестель. М., 2005. С. 55–57.

яд. «Возымел я желание иметь при себе яд, дабы посредством одного, ежели смертельным образом ранен буду, избавиться от жестоких мучений», – скажет он впоследствии¹⁴.

Но для того, чтобы «избавиться от жестоких мучений», у каждого офицера был более простой способ – собственное оружие. И тяжело раненому человеку принять яд, конечно же, было не намного проще, чем застрелиться. Скорее, яд был нужен Пестелю как разведчику, выполняющему тактические задания своего командования и отправляющемуся на чужие территории без оружия.

Война для него закончилась весной 1814 года. Вскоре, сопровождая Витгенштейна, поручик самого привилегированного в России Кавалергардского полка Павел Пестель, награжденный пятью боевыми орденами и золотой шпагой двадцатилетний ветеран войны, вновь появляется в Петербурге.

* * *

В 1817 году 24-летний Пестель вступил в Союз спасения – тайную организацию, созданную шестью молодыми гвардейскими офицерами. Несмотря на грозное звучание своего названия, отсылающего к знаменитому якобинскому Комитету, при всей резкости речей, звучащих на его заседаниях, Союз вряд ли был опасен устоям самодержавной России. Понимая, что положение дел в России надо менять, заговорщики совершенно не представляли себе, что конкретно нужно для этого сделать.

«Первые декабристы» – офицеры, связанные между собою узами родства, детской дружбы и боевого товарищества, были, конечно, совершенными дилетантами в вопросах стратегии и тактики заговора. Их программой, согласно позднейшим мемуарам Якушкина, было «в обширном смысле благо России»¹⁵.

О том же, что понимать под «благом России», в обществе шли споры. Некоторые предполагали, что оно – в «представительном устройстве» государства. Другим казалось, что необходимо «даровать свободу крепостным крестьянам и для того пригласить большую часть дворянства к поданию о том просьбы государю императору».

Третьи считали, что дворянство не согласится на подачу такого проекта, что император Александр – тиран, презирающий интересы страны, и потому его необходимо уничтожить. Осознанием этой идеи стал «московский заговор» сентября 1817 года Возбужденные письмом одного из основателей Союза, князя Сергея Трубецкого о том, что «государь намерен возвратить Польше все завоеванные нами области и... удалиться в Варшаву со всем двором», юные конспираторы едва не убили царя в Москве. После этого «цареубийственный кинжал» еще много раз «обнажался» заговорщиками, но в действие, как известно, приведен не был.

Пестель в число основателей Союза не входил. Но очевидно, что он вполне разделял вольнолюбивые искания гвардейских офицеров.

Впоследствии на допросе он дал подробные показания о том, каким образом формировались его «вольнодумческие и либеральные мысли». Желание добра своему Отечеству, увлечение политическими науками в годы учебы в Пажеском корпусе, анализ политической ситуации в России и в мире привели его к мысли, что «революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может даже быть весьма полезна». Вскоре он решил для себя, что наилучшей формой государственного устройства является республика¹⁶.

Среди членов Союза Пестель резко выделялся уже на этом, первом этапе существования заговора. Плохо представляя, какой должна стать Россия в будущем, уже тогда он понимал, что

¹⁴ ВД. Т. IV. С. 173.

¹⁵ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 16.

¹⁶ ВД. Т. IV. С. 273, 101, 90–92; М., 1980. Т. XVII. С. 27.

одними разговорами о «благе России» добиться ничего нельзя. Практически сразу же Пестель составил для себя четкие представления о том, как должен быть построен заговор – если целью его действительно является изменение государственного строя России. И стал претендовать на безусловное лидерство в тайных обществах.

Именно Пестелю, как известно, принадлежала решающая роль в написании устава, «статута» Союза спасения. Впоследствии он был уничтожен заговорщиками, и судить о его содержании можно лишь по дошедшим до нас косвенным свидетельствам. Согласно им, составляя «статут», Пестель учитывал опыт деятельности двух современных ему организаций: масонства и тайной полиции.

Не буду здесь вдаваться в сложный, но на сегодняшний день достаточно хорошо изученный вопрос об идеологии и истории русского масонства в начале XIX века. Отмечу только, что масонские цели – образно говоря, нравственное усовершенствование отдельного человека, государства и, в итоге, всего человечества – реализовались в ту эпоху в двух противоположных формах, «демократической» и «аристократической». «Аристократическое» масонство существовало в рамках шведской, андреевской системы, а «демократическое» – в рамках системы иоанновской.

Шведская система, считавшая своим покровителем Святого Андрея Первозванного, а «великим магистром» – шведского короля, была основана на строгих принципах иерархии в управлении и беспрекословного послушания. «Шведские масоны, – пишет известная исследовательница масонства Т. О. Соколовская, – называли себя великими каменщиками чаще, чем свободными каменщиками». По ее мнению, это не случайно: «Для достижения масонских целей, для содействия людей счастливыми и благородными употреблялось порабощение духа и даже тела; от низших братьев и низших лож отнималась всякая самостоятельность, всякая самостоятельность; от них требовалась только слепая вера, а общемасонская цель о соединении всех людей в одну всемирную семью была известна только самым высшим степеням».

Руководил шведскими ложами в России могущественный и таинственный Капитул Феникса. Состав этого Капитула не был известен рядовым масонам, от которых требовалось лишь слепое повиновение. Не в полной мере известен он и современным исследователям: члены Капитула проходили в масонских документах под вымышленными, символическими именами.

Иоанновское масонство, находившееся под покровительством Святого Иоанна Иерусалимского, изначально считало себя частью масонства андреевского. Иоанновскими назывались масоны низших степеней, не посвященные в «великие тайны» Капитула Феникса и не знавшие истинных, сокровенных масонских целей. И постепенно в иоанновских ложах возник стихийный демократический протест против Капитула. В 1815 году русское масонство раскололось на две системы.

Если шведскими масонами по-прежнему управлял Капитул, то для управления масонами иоанновскими была создана «великая ложа Астреи». Принятое тогда же уложение Астреи «устанавливало выборное начало в управлении масонского сообщества и клало в основу этого управления ответственность всех без исключения должностных лиц, их выборность, терпимость ко всем религиям и ко всем принятым масонским системам и равноправность всех представителей лож в великой ложе»¹⁷.

Члены Союза спасения, большинство из которых были масонами, определялись в выборе системы. Это – важнейший выбор: именно в нем следует искать истоки разности взглядов заговорщиков на природу тайной организации, на принципы деятельности заговора. Именно здесь – зерна позднейших программных разногласий декабристов, их разных представлений о характере власти в постреволюционной России.

¹⁷ Соколовская Т. О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения. М., 1999. С. 55, 57.

Историк Н. М. Дружинин, автор классической работы «К истории идейных исканий П. И. Пестеля», подробно описал процесс вхождения заговорщиков в иоанновскую ложу Трех добродетелей (1816 год). Предполагалось «воспользоваться готовой, более или менее однородной и замкнутой ячейкой, ввести в нее членов слагающейся политической организации, образовать из них руководящее ядро и превратить масонскую “мастерскую” в лабораторию революционных идей». «Фактически ложа Трех добродетелей превратилась в неофициальный филиал тайного революционного общества»¹⁸. Участниками ложи стали «корифеи» движения декабристов – в частности, братья Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы и князь Сергей Трубецкой. В январе 1816 года, еще до знакомства с Союзом спасения, в ложу вступает и Пестель.

Однако став членом иоанновской ложи, Пестель не порвал со шведским масонством, в которое был принят еще на корпусной скамье. К 1816 году он был обладателем высокой степени шведского «мастера», и патенты на свое имя, выданные в подчинявшейся Капитулу Феникса ложе Сфинкса, хранил всю жизнь. Судя по тому, что он не принимал активного участия в деятельности ложи Трех добродетелей, иоанновское масонство интересовало его гораздо меньше, чем шведское.

Формы масонской деятельности шведского образца – «разделение» членов общества на «разряды», безоговорочное подчинение «низших» «высшим», сложные «обряды» при принятии в организацию нового участника, клятвы, угрозу смерти за предательство – Пестель положил в основу устава Союза спасения¹⁹. «Пестель координировал формы “Союза спасения” с формами масонской ложи, но он предпочел масонские формы именно потому, что они казались ему подходящей оболочкой для боевой, строго конспиративной организации», – писал Н. М. Дружинин²⁰.

Обращаясь к истории Союза спасения, историки не могут пройти мимо знаменитого эпизода из мемуаров Сергея Трубецкого – о том, как заговорщики принимали написанный Пестелем «статут». «При первом общем заседании для прочтения и утверждения устава Пестель поселил в некоторых членах некоторую недоверчивость к себе; в прочитанном им вступлении он сказал, что Франция блаженствовала под управлением Комитета общественной безопасности. Восстание против этого было всеобщее, и оно оставило невыгодное для него впечатление, которое никогда не могло истребиться и которое навсегда поселило к нему недоверчивость», – вспоминал Трубецкой²¹.

Традиционно эти воспоминания Трубецкого комментируют в том смысле, что Пестель уже в Союзе спасения «признавал целесообразность» якобинской диктатуры²². При этом исследователи – по традиции, идущей от Б. Е. Сыроечковского, – «поправляют» Трубецкого: по их мнению, «речь у Пестеля шла не о Комитете общей безопасности, охранительном органе, а о Комитете общественного спасения, том самом органе революционной диктатуры, который в 1793–1794 годах исполнял функции революционного правительства. Возглавляемый Дантоном, а потом Робеспьером, он олицетворял, особенно на своем последнем этапе, якобинскую диктатуру во всем ее кровавом безумстве»²³.

Между тем, М. В. Нечкина справедливо отмечала: «Беря это чрезвычайно любопытное свидетельство по существу, нельзя не отметить, что в 1817 году, когда Пестель читал свой вводный доклад, он еще не был республиканцем, а придерживался идеи конституционной монар-

¹⁸ Дружинин Н. М. К истории идейных исканий П. И. Пестеля // Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 312, 311.

¹⁹ ВД. Т. XVII. С. 26.

²⁰ Дружинин Н. М. К истории идейных исканий П. И. Пестеля. С. 321.

²¹ Трубецкой С. П. Указ. соч. С. 218–219.

²² Парсамов В. С. П. И. Пестель и якобинская диктатура // Великая Французская революция и пути русского освободительного движения. Тезисы докладов научной конференции. 15–17 декабря 1989. Тарту, 1989. С. 35.

²³ Рудницкая Е. Л. Феномен Павла Пестеля // Annali. Serione storico-politicosociale. XI–XII. 1989–1990. Napoli, 1994. P. 107.

хии; не был он также еще сторонником диктатуры Временного правительства. Этих идей – республики и диктатуры – он, по его собственному признанию, стал придерживаться позднее». Отвергая мысль о том, что Трубецкой в мемуарах «перепутал» комитеты, Нечкина была убеждена, что Пестель действительно «восхвалял Комитет общественной безопасности». Однако почему именно этот комитет удостоился похвалы Пестеля, «установить», по ее мнению, «не удается»²⁴.

Правда, еще в 1920-х годах Н. М. Дружинин «установил», в чем состоял смысл этого «восхваления». Пестель говорил именно о Комитете общественной безопасности – тайной полиции якобинцев. Смысл его фразы состоял в том, что благоденствие государства во многом базируется на способности тайной полиции исполнять свои обязанности.

Кроме того, тайная полиция была интересна заговорщику именно как структура, близкая по своему устройству масонским ложам шведского образца, построенная «на началах строгой иерархии, суровой дисциплины и планомерной конспирации»²⁵.

От шведских лож мысль Пестеля перешла к тайной полиции – ближайшему к ним по форме учреждению. О том же, в чем, по мнению Пестеля, заключалась суть деятельности этой организации, можно судить по любопытному документу – написанной им чуть позже «битвы за устав» «Записки о государственном правлении». «Записка» эта обобщала военный и разведывательный опыт Пестеля и являлась, скорее всего, легальным документом, подготовленным для передачи «по команде»²⁶. Формам деятельности политической полиции – «приказа благочиния», по терминологии Пестеля, – в «Записке» посвящена особая глава.

«Высшее благочиние требует непроницаемой тьмы и потому должно быть поручено единственно государственному главе сего приказа, который может оное устраивать посредством канцелярии, особенно для сего предмета при нем находящейся». Эта тайная «канцелярия» действует посредством шпионов – «тайных вестников», как называет их Пестель. «Тайные розыски или шпионство» представляют собой «не только позволительное и законное, но даже надежнейшее и почти что, можно сказать, единственное средство, коим высшее благочиние поставляется в возможность достигнуть предназначенной ему цели»²⁷.

Уместно предположить – имея в виду свидетельство Трубецкого, – что именно «канцелярией непроницаемой тьмы», подчиняющейся единому лидеру, имеющей разветвленную сеть «тайных вестников» и занимающейся тайными розысками в отношении государственных органов и частных граждан, Пестель представлял тайное общество.

«Для руководства этому новому обществу Пестель сочинил устав на началах двойственной нравственности, из которых одна была для посвященных в истинные цели общества, а другая – для непосвященных». «Нельзя читать без невольного отвращения попыток Пестеля устроить “заговор в заговоре” против своих товарищей-декабристов, с тем, чтобы самому воспользоваться плодами замышляемого переворота», – утверждает историк Д. А. Кропотков в исследовании, написанном в 1870-х годах по мемуарам и личным впечатлениям участников «битвы за устав»²⁸.

Следует признать, что несмотря на эмоциональность этой оценки, она во многом верна. Именно «заговором в заговоре» видел Пестель тайное общество; скорее всего, уже тогда он предложил себя и в руководители подобной структуры. И именно против такого взгляда поднялось «всеобщее восстание» его товарищей, сторонников «демократического» иоанновского

²⁴ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 165. Ср.: Она же. Союз Спасения // Исторические Записки. М., 1947. Т. 23. С. 168.

²⁵ Дружинин Н. М. К истории идейных исканий П. И. Пестеля. С. 321.

²⁶ Нечкина М. В. «Русская Правда» и движение декабристов // ВД. М.; Л., 1958. Т. VII. С. 20–21.

²⁷ ВД. Т. VII. С. 229, 230.

²⁸ Кропотков Д. А. Жизнь графа М. Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. СПб., 1874. С. 192, 194.

масонства, которые, по словам Трубецкого, «хотели действия явного и открытого, хотя и положено было не разглашать намерения, в котором они соединились, чтобы не вооружить против себя неблагонамеренных»²⁹.

«Борьба из-за устава, – пишет Кропотков, – возникшая тогда в среде заговорщиков, представляет один из любопытнейших эпизодов тогдашних тайных обществ. Это была борьба мечтательных увлечений с действительной жизнью, истинного просвещения с ложным, национальных идей с чужеземными и, если угодно, здравого смысла с горячечным бредом»³⁰. Естественно, что под «мечтательными увлечениями», «ложным просвещением», «чужеземными идеями» и «горячечным бредом» историк понимает идеи Пестеля.

Под нажимом Пестеля и при содействии одного из основателей союза Александра Муравьева устав все же был принят. Однако просуществовал он недолго. Новые кандидаты в заговорщики – Михаил Муравьев, Иван Бурцов и Петр Колошин – «не иначе согласились войти, как с тем, чтобы сей устав, проповедующий насилие и основанный на клятвах, был отменен»³¹. Против идей Пестеля «негодовал» и основатель союза Иван Якушкин.

Вообще вся деятельность Пестеля в тайном обществе протекала в двух сферах. С одной стороны – программа реформ, всевозможные планы вооруженных выступлений, наконец, идея царевубийства. Все это хорошо известно из документов следствия, в том числе и из собственноручных показаний самого Пестеля, а также из многочисленных мемуаров. С другой стороны – он реально занимался подготовкой военного переворота: добывал деньги для «общего дела», пытался добиться лояльности к себе своих непосредственных начальников. И об этой его деятельности, о людях, которые помогали ему, нам известно крайне мало.

Можно твердо сказать лишь одно: все годы существования тайных организаций «образ действий» Пестеля вызвал недоверие к нему со стороны его товарищей. Пестеля боялись. Впоследствии именно с ним было связано большинство самых серьезных споров в среде декабристов, приводивших чаще всего к расколу и реформированию структуры тайных обществ.

В начале 1817 года, буквально через несколько дней после принятия устава, Пестель был вынужден покинуть Петербург. Витгенштейн получил назначение командовать расквартированным в Прибалтике 1-м пехотным корпусом со штабом в Митаве. Естественно, что с собой он увозил своего любимого адъютанта. И практически сразу же после отъезда Пестеля Союз спасения распался. Идея создания боевой, сплоченной организации с единым лидером провалилась.

* * *

На руинах Союза спасения возникла вторая тайная организация, Союз благоденствия. В создании ее уставного документа, знаменитой «Зеленой книги», Пестель участия не принимал. Идея второго союза состояла, как известно, в постепенной «подготовке» общественного мнения к принятию новых законов. Союз благоденствия представлял собой широкую и действующую почти открыто общественную организацию.

Единогласного лидера у общества не было. Руководил обществом Коренный совет (Коренная управа, Коренная дума), в который входили учредители организации. Во главе этого органа стоял председатель, который, согласно «Зеленой Книге», переизбирался каждый месяц. Блеститель, секретарь общества менялся один раз в год.

²⁹ Трубецкой С. П. Указ. соч. С. 28.

³⁰ Кропотков Д. А. Указ. соч. С. 199.

³¹ ВД. Т. I. С. 306.

Эти новые формы деятельности тайного союза Пестель признал далеко не сразу. И даже формально согласившись с «Зеленой книгой», в практической деятельности он по-прежнему руководствовался собственными представлениями о способах действия тайной организации.

К активной деятельности в тайном обществе он вернулся в 1818 году – когда, сопровождая назначенного главнокомандующим 2-й армией Витгенштейна, приехал в Тульчин, в армейский штаб. Именно там он создал Тульчинскую управу Союза. «Первый, водворивший преступный союз сей во 2-й армии в начале 1818-го года, – был Павел Пестель в год вступления графа Витгенштейна в начальствование 2-ю армию, и у которого Пестель был адъютантом», – утверждал на следствии Николай Комаров, до 1821 года член этой управы.

Через год сопредседателем управы стал капитан Гвардейского генерального штаба Иван Бурцов, адъютант начальника армейского штаба Павла Киселева. «Я прежде полковника Бурцова (Бурцов стал полковником в 1822 году. – О.К.) находился в Тульчине и потому прежде его там действовал. По прибытии же Бурцова действовали мы вместе», – писал Пестель в показаниях³².

В конце 1819 года, сопровождая Витгенштейна, Пестель приехал в Петербург. И практически сразу же после его приезда начались известные «петербургские совещания» 1820 года. В беседах со своими сподвижниками Пестель настоял на гласном обсуждении вопросов о будущем устройстве государства и судьбе царствующего монарха.

На следствии он будет утверждать, что эта дискуссия происходила на «собрании Коренной думы» – руководящего органа Союза благоденствия. И что «прения» завершились формальным голосованием: «Объявлено, что голоса собираться будут таким образом, чтобы каждой член говорил, чего он желает: монарха или президента; а подробности будут со временем определены. Каждый при сем объявлял причины своего выбора, а когда дело дошло до Тургенева, тогда он сказал по-французски: *Le president – sans phrases*; то есть: президент без дальних толков. В заключение приняли все единогласно республиканское правление. Во время прений один Глинка говорил в пользу монархического правления, предлагая императрицу Елисавету Алексеевну».

Некоторые участники совещаний оспаривали на следствии выводы Пестеля. Наиболее решительно их опровергал активный член Союза благоденствия Федор Глинка: «На вопрос же о каком-то как бы торжественном и важном заседании, где трактовали о правлении для России, я ничего другого сказать не могу, как только то, что такого заседания не было».

«Что же касается до решения Коренной думы ввести в России таковое правление, то мне показалось бы нелепым и здравому смыслу противным, если бы в присутствии моем сия дума, составленная из нескольких молодых людей, не имеющих ни значительной власти, ни влияния политического, приняла на себя делать определения или решения о введении в государстве обширном и сильном какого-либо нового образа правления», – показывал на следствии другой участник дискуссии, Иван Шипов³³.

Трудно однозначно ответить на вопрос, происходила ли эта дискуссия на правильно организованных заседаниях, закончившихся голосованием, – или беседы насчет «выгод» и «невыгод» монархического и республиканского правлений происходили в неформальном, дружеском ключе. Однако независимо от формы дискуссии следует признать: именно в 1820 году Пестель предложил царевубийство как возможный метод введения республики. Впоследствии именно с его именем будет связано большинство радикальных «царевубийственных» проектов. Более того, вскоре царевубийство станет обязательным элементом плана действий возглавляемого Пестелем Южного общества.

³² Там же. М., 2001. Т. XX. М., 2001. С. 394; Т. IV. С. 108.

³³ Там же. Т. IV. С. 100–101; Т. XX. С. 30, 247.

С. Н. Чернов обоснованно утверждал, что декабрист пришел к идее цареубийства не столько в результате размышлений над политическими проблемами, сколько в результате «очень сильного и глубокого личного потрясения». Потрясение же это было вызвано громкой отставкой его отца с должности генерал-губернатора Сибири: «Сколько мы знаем характер Пестеля, можно догадываться, что узнав о беде отца, он пережил бурю личного негодования к императору и его советчикам».

В глазах Пестеля «император Александр естественным образом очень быстро приобретает характер несправедливого гонителя семьи. И в этот самый момент раздражения и обиды французский революционер убийством герцога Беррийского указывает ему – пусть не совсем новый – путь политической борьбы. И в минуты страстного раздражения Пестель взял предложенное французом средство»³⁴.

С этим мнением трудно не согласиться. Однако признав, что в основе цареубийственной идеи Пестеля действительно лежит личная обида на царя, необходимо понять, почему он решил ввести цареубийство в программу тайного общества. Ведь согласившись видеть Россию республикой, заговорщики уже сошлись на том, что в будущем государственном устройстве царя быть не должно.

Более того, присутствующий одним из совещаний Николай Тургенев произнес свой знаменитый афоризм: «*Le president sans phrases*», «президент без дальних толков». И заговорщики, по верному замечанию исследователей М. П. Одесского и Д. М. Фельдмана, не могли не опознать тут перифраз формулы, использованной французскими радикалами 1793 года в Конвенте, когда на голосование был поставлен вопрос о казни короля: «*La mort sans phrases*», «смерть без дальних толков»³⁵.

Здесь Пестель, очевидно, счел, что совещания – подходящий повод для новой попытки сделать организацию боевой и сплоченной. В принципе, теоретические рассуждения о «монархии» и «республике» не заключали в себе ничего противозаконного. Иное дело – цареубийство. Соглашаясь на него, члены тайного общества не оставляли себе пути к отступлению. Возможность проводить время в праздных разговорах о «благе отечества» сводилась на нет: каждый из них, по российским законам, в случае разоблачения мог быть казнен. У них оставалась только одна дорога – дорога конкретного революционного действия.

В результате, несмотря на все старания Пестеля, результаты совещаний оказались более чем скромными. Сам Пестель после их окончания начал писать свой первый, конституционно-монархический, вариант «Русской Правды». А попытка «привить» Союзу радикальную программу закончилась, по мнению С. Н. Чернова, развалом организации. От Союза благоденствия стали отпочковываться малочисленные миниобщества, в основном не принявшие идею республики. И все закончилось в 1821 году роспуском Союза на съезде в Москве³⁶.

Как известно, Пестель на этот съезд не поехал. Декабрист Иван Якушкин свидетельствует, что его отговорил Бурцов – боясь, «что если Пестель поедет в Москву, то он своими резкими мнениями и своим упорством испортит там все дело». Ему доказали, что «так как два депутата их уже будут на этом съезде, то его присутствие там не необходимо, и что, просившись в отпуск в Москву, где все знают, что у него нет ни родных и никакого особенного дела,

³⁴ Чернов С. Н. Декабрист П. Ив. Пестель. Опыт личной характеристики. С. 107–109.

³⁵ Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика террора. М., 1997. С. 101–102. О том, насколько узнаваема для современников была произнесенная Н. И. Тургеневым фраза, можно судить по одному из эпизодов его собственной книги «Россия и русские»: «Мне даже рассказывали, что один из членов Верховного суда, бывший французский эмигрант и кавалерийский генерал, при решении моей участи так сформулировал свой вотум: “*La mort sans phrases*”» (Тургенев Н. И. Указ. соч. С. 109). Впрочем, Тургенев утверждал, что был неправильно понят: в данном случае он имел в виду всего лишь выборы президента для ведения собрания.

³⁶ Чернов С. Н. Несколько справок о «Союзе благоденствия» перед Московским съездом 1821 г. // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 18–19.

он может навлечь на себя подозрение тульчинского начальства, а может быть, и московской полиции»³⁷.

Решение съезда о роспуске тайной организации на самом деле было фиктивным: полиция внимательно следила за деятельностью заговорщиков, и надо было ввести ее в заблуждение. Кроме того, необходимо было «отделаться» как от многочисленных случайных в заговоре людей, так и от Пестеля – радикального сторонника республики и цареубийства.

Привезли в Тульчин известие о роспуске организации участвовавшие в его работе капитаны Бурцов и Комаров.

* * *

Решениям съезда Пестель не подчинился.

В марте 1821 года, собрав всех находившихся в Тульчине членов Союза, он «спросил, ужели собравшиеся в Москве члены имели право разрушать общество и согласны ли мы его продолжить? На что все единогласно изъявили свое намерение его продолжить». Затем Пестель, «объясняя подробно, что общество рушилось от несогласия в целях и средствах, положил необходимым определить оные и вследствие сего сказал, что для введения нового порядка вещей нужно необходимо смерть» императора Александра I. С чем тульчинские заговорщики и согласились. Таким виделось начало этого исторического заседания князю Александру Бяринскому, впоследствии одному из главных действующих лиц заговора на юге³⁸.

Так возникло Южное общество, которое справедливо представлялось Пестелю не отдельной вновь построенной организацией, а продолжением старого общества – Союза благоденствия. Пестель стал его руководителем, директором.

Южное общество действовало на достаточно обширной территории: по сути – чуть ли не всей Украине и Бессарабии, где были расквартированы части 1-й и 2-й армий. Новое общество было четко структурировано. Руководила всем обществом Директория во главе с председателем – самим Пестелем. Кроме председателя, среди директоров – генерал-интендант 2-й армии Алексей Юшневский, он же «блюститель», секретарь Директории. Заочно в Директорию был избран служивший тогда в Гвардейском генеральном штабе столичный заговорщик Никита Муравьев – «для связи» с Петербургом. Реально Никита Муравьев, как известно, в руководстве Южным обществом не участвовал.

Директории подчинялись три отделения, или, как их называли, управы.

Окончательно управы сложились в 1823 году. У каждой из них были свои руководители. Центр первой – Тульчинской – управы по-прежнему находился в Тульчине. Управой этой, как и Директорией, руководил Пестель. Своего рода столицей второй, Васильковской, управы стал расположенный в тридцати верстах от Киева уездный город Васильков, где располагался штаб 2-го батальона Черниговского пехотного полка, входившего в состав 1-й армии. Командир батальона, подполковник Сергей Муравьев-Апостол, был председателем этой управы; вместе с ним управу возглавлял его друг, молодой подпоручик Полтавского пехотного полка Михаил Бестужев-Рюмин. Центром же третьей, Каменской, управы, во главе которой стояли отставной полковник Василий Давыдов и генерал-майор Сергей Волконский, была деревня Каменка, имение Давыдова.

³⁷ Якушкин И. Д. Указ. соч. С. 37.

³⁸ ВД. Т. X. М., 1953. С. 279.

* * *

Рассуждая о Пестеле-декабристе, невозможно обойти вниманием «Русскую Правду» – главное дело его жизни. В 1823 году руководители южных управ приняли ее основные положения в качестве программы собственных действий после победы революции.

Свой проект Пестель писал пять лет. По авторитетному мнению М. В. Нечкиной, первые строки самой ранней редакции этого документа появились в 1820 году, когда во время петербургских дискуссий членов Союза благоденствия Пестель сделал доклад о преимуществах республиканской формы правления над монархической и предлагал голосовать за царевубийство³⁹. Впоследствии этот документ несколько раз переделывался: известны его три редакции. Первая из них дошла до нас в кратком изложении на следствии Никиты Муравьева, вторая и третья – в рукописях самого Пестеля⁴⁰. Название своему проекту Пестель придумал только в 1824 году.

Однако ни одна из редакций не была закончена. Поэтому сегодня в полном объеме содержание этого документа можно восстановить с большей или меньшей долей условности, с помощью показаний на следствии самого Пестеля и его товарищей по заговору. Некоторые сведения можно почерпнуть и из подготовительных документов к «Русской Правде», а также из текста под названием «Конституция Государственный завет» – краткой выжимки основных идей проекта⁴¹.

О том, для чего на самом деле составлялся заговор декабристов, Пестель прямо говорит в «Русской Правде». Уже в преамбуле ко второй ее редакции читаем: «Первоначальная обязанность человека, которая всем прочим обязанностям служит источником и порождением, состоит в сохранении своего бытия. Кроме естественного разума, сие доказывается и словами Евангельскими, заключающими весь закон христианский: *люби Бога, и люби ближнего, как самого себя* (курсив в тексте. – О.К.), словами, вмещающими и любовь к самому себе как необходимое условие природы человеческой, закон естественный и, следственно, обязанность нашу». Естественное право человека – право на жизнь – Пестель толкует «расширительно», понимая его прежде всего как «любовь к самому себе», законодательно закрепленное право на эгоизм.

Именно из таким образом понятого права на эгоизм проистекает важнейшая идея «Русской Правды» – идея всеобщего юридического равенства граждан перед законом. Ведь только в обществе равных возможностей эгоизм каждого гражданина государства может быть реализован в полной мере. «Все люди в государстве имеют одинаковое право на все выгоды, государством доставляемые, и все имеют равные обязанности нести все тяготы, нераздельные с государственным устройством. Из сего явствует, что все люди в государстве должны непременно быть пред законом совершенно равны и что всякое постановление, нарушающее сие равенство, есть нестерпимое зловластие, долженствующее непременно быть уничтоженным», – писал автор «Русской Правды»⁴². Согласно предположениям Пестеля сословное деление общества уничтожалось.

Однако юридическое неравенство подразумевает два предела: условно говоря, верхний и нижний. Применительно к России нижний предел неравенства являли собой бесправные крестьяне. Верхний же – государь император, который мог *все*. Естественно, что уравниение должно было приближаться к верхней границе, иначе вообще теряло смысл.

³⁹ Нечкина М. В. «Русская Правда» и движение декабристов // ВД. М.; Л., 1958. Т. VII. С. 27.

⁴⁰ ВД. Т. I. С. 299, 302–303; Т. VII. С. 113–212.

⁴¹ Историю возникновения этого документа см.: Нечкина М. В. Из работ над «Русской Правдой» Пестеля // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 73–83.

⁴² ВД. Т. VII. С. 115, 152.

Однако для того, чтобы столь страстно желаемое юридическое равенство было реальным, необходимо было прежде всего освободить и дать права гражданства крестьянам. По Пестелю, «право обладать другими людьми как собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наследовать людей наподобие вещей, употреблять их по своему произволу без предварительного с ними соглашения и единственно для своей прибыли, выгоды и прихоти есть дело постыдное».

Пестель прекрасно понимает, что для истинного освобождения крестьян одних «правильных» законов мало. Освобождение без земли окажется пустым звуком, приведет их к разорению. Между тем как «освобождение сие должно доставить лучшее положение противу теперешнего»⁴³.

Отсюда напрямую вытекает аграрный проект «Русской Правды» – пожалуй, важнейший и самый сложный для ее автора, вызывавший острую критику со стороны многих декабристов, в том числе того же Николая Тургенева⁴⁴. Этот проект хорошо известен историкам.

Пестель исходит из того, что земля «есть собственность всего рода человеческого», но не ставит под сомнение и важнейшее естественное право – право частной собственности, в том числе и на землю. Он планирует разделение всей пахотной земли на две части: «Одна половина получит наименование земли общественной, другая земли частной». Граждане, приписанные к определенной волости, имеют право получить свои наделы из общественной земли – «не в полную собственность, но для того, чтобы их обрабатывать и пользоваться их произрастениями». «Земли частные будут принадлежать казне или частным лицам, обладающим оными с полною свободою и право имеющим делать из оной, что им угодно». Подобная система предусматривала и конфискацию значительной части помещичьей земли.

Идея всеобщего юридического равенства вполне воплотилась и в национальной программе «Русской Правды». Давно отмечено, что программа эта была крайне жесткой по отношению к населяющим Россию «инородцам»: предлагала «силою переселить во внутренность России» «буйные» кавказские народы, выселить два миллиона русских и польских евреев в Малую Азию, изгнать из России цыган, которые не пожелают принять христианство, истребить древние татарские обычаи многоженства и содержания гаремов. В итоге подобных действий национальности, подобно сословиям, должны быть уничтожены, «все племена должны быть слиты в один народ». Все обитатели России должны стать русскими.

Дело здесь, конечно же, не в том, что Пестель не любил татар, евреев или цыган. Любое национальное своеобразие: культурное, религиозное или политическое, уничтожало принцип равных возможностей. И поэтому народам предоставлялся выбор: либо слиться с русскими, приняв их образ жизни и формы правления, либо испытать на себе много неприятностей – вплоть до выселения из страны. Все части России должны были связаны общностью русского языка, православной веры, законодательства и традиций.

Южный лидер прекрасно понимал, что ввести все эти преобразования мирно невозможно. Недовольных будет много: лишаящиеся значительной части земли дворяне, почувствовавшие «вольность» крестьяне, не желающие ни становиться русскими, ни покидать Россию «инородцы». И дело вообще может кончиться «ужасами и междоусобиями», которые не пойдут ни в какое сравнение даже с тем, что происходило во Франции в конце XVIII века.

Введение новых законов, по Пестелю, «не должно произвести волнений и беспорядков в государстве». Государство обязано «беспощадную строгость употреблять противу всяких нарушителей общего спокойствия». Именно для того, чтобы предотвратить гражданскую войну, была нужна многолетняя диктатура Временного верховного правления. Опирающаяся на штыки и сильную полицию (явную – жандармерию, и тайную – «канцелярию непроница-

⁴³ ВД. Т. VII. С. 174.

⁴⁴ Тургенев Н. И. Указ. соч. С. 83.

емой тьмы») диктатура – самый действенный способ обеспечить «постепенность в ходе государственных преобразований». Так и только так Россия сможет избежать «ужаснейших бедствий» и не покориться вновь «самовластию и беззаконию».

И диктатура, и сильная государственная идеология должны были, по Пестелю, добиться от всех без исключения граждан новой России «единородства, единообразия и единомыслия»⁴⁵.

Многие современные историки видят в Пестеле прежде всего убежденного сторонника «антидемократических» форм правления, а в государстве, которое он замыслил, угадывают «тоталитарную сущность»⁴⁶.

Это мнение не вполне справедливо, как несправедливо и утверждение, что только ради воплощения в жизнь идеи диктатуры южный лидер и замыслил военный переворот. Пестель понимал, конечно, что диктатура, основанная на подавлении всякого инакомыслия, сама по себе не может предоставить людям всеобщее равенство. Согласно его представлениям после того, как будут проведены основные реформы и уйдет опасность гражданской войны, в России должно наступить царство демократии. Единовластие диктаторов придет конец, будет принята конституция и избран двухпалатный парламент.

Его нижняя палата («Народное Вече») будет избираться на пять лет на основе всеобщего и равного избирательного права; при этом каждый год должна происходить ротация пятой части палаты. Палата будет осуществлять законодательную власть: она «объявляет войну и заключает мир», принимает законы. Главные же из этих законов, касающиеся конституционных основ жизни страны, выносятся на референдум – «на суждение всей России предлагаются».

Верхняя палата («Верховный Собор») должна состоять из 120 членов, которые «назначаются на всю жизнь» и именуются «боярами». Кандидатов в число «бояр» предлагают губернии, а «народное вече» утверждает их. В руках «Верховного Собора» сосредотачивается «власть блюстительная». В частности, он должен следить за тем, чтобы принимаемые нижней палатой законы строго соответствовали конституции.

Исполнительная власть принадлежит «Державной Думе», состоящей из пяти человек, «народом выбранных». Для того чтобы среди этой пятерки не появился новый диктатор, предлагается опять же ежегодная ротация. «Державная Дума... ведет войну и производит переговоры, но не объявляет войны и не заключает мира, все министерства и все вообще правительствующие места состоят под ведомством и началом Державной Думы»⁴⁷.

Собственно, тогда, когда эти органы будут сформированы и заработают, в стране и наступит всеобщее равенство. Христианский принцип *«люби ближнего, как самого себя»* сможет воплотиться в жизнь, и люди смогут наконец реализовать свои равные права.

У «Русской Правды» была и еще одна, так сказать, тактическая функция – она должна была обеспечить организационное единство Южного общества.

Поручик Николай Бобрищев-Пушкин описал на следствии одно из своих свиданий с Пестелем, посвященное обсуждению его конституционного проекта. Пестель, по словам Бобрищева-Пушкина, показал ему «начало этого своего сочинения под названием “Русская Правда”». На самых первых страницах, где пишет он об обязанностях человека, он вдруг говорит мне об одном месте: “Здесь, мне кажется, не хватает примера”. Я, желая узнать, с каким видом он примет религиозное мнение, дабы судить по тому, имеет ли он если не религию, то по крайней мере несомненное политическое уважение к религии, говорю ему: “Мне кажется, что

⁴⁵ ВД. Т. VII. С. 183, 143–144, 148, 149, 174, 118.

⁴⁶ См., напр., Рудницкая Е. Л. Феномен Павла Пестеля. Р. 108.

⁴⁷ ВД. Т. VII. С. 214, 215.

здесь очень прилично поставить вот это”, – и сказал ему текст, служащий главным основанием христианской веры; он мне на это поспешно отвечал: “Это правда, впишите это своею рукою”».

Речь в данном случае шла о введении к «Русской Правде» – где Пестель описывал «основные понятия» своего проекта. «Текст, служащий основанием христианской веры», – это уже упоминавшаяся выше библейская цитата «люби бога и люби ближнего, как самого себя». Цитата эта, как и окружающие ее несколько фраз, действительно была написана рукой Бобрищева-Пушкина – и в таком виде дошла до нас.

Текст «Русской Правды» сохранил и образцы почерка большинства руководителей Южного общества – они вносили в него правку, делали попытки перевести этот документ на французский язык и т. п.

Тот же Бобрищев-Пушкин показывал на следствии, что, вставив свои дополнения в текст «Русской Правды», «через несколько минут уже догадался, что это были сети, расставленные мне для того, чтобы лишить меня возможности донести, что у него (Пестеля. – О.К.) имеется такого рода сочинение»⁴⁸. Очевидно, что подобного рода сомнения посещали и Алексея Юшневского. По мнению авторитетного текстолога С. Н. Чернова, редактируя текст «Русской Правды», Юшневский «заботливо изменял свой почерк: его выдает только своеобразное написание буквы “Б”»⁴⁹.

Опасения и «догадки» Бобрищева-Пушкина и Юшневского вряд ли были безосновательными. Пестель недаром просил своих товарищей вносить изменения в свой текст, обсуждал проект на съездах руководителей тайного общества, в 1823 году добился формального голосования за него. Идея совместной работы над программным документом в целом похожа на ту, которую он преследовал, уговаривая членов Союза благоденствия проголосовать в 1820 году за царевбийство. Те, кто обсуждал «Русскую Правду» и голосовал за нее, чей почерк остался на ее страницах, не могли уже отговориться незнанием о существовании этого документа. И перед лицом власти они становились государственными преступниками. У них оставался единственный выход – содействовать скорейшему осуществлению революции и воплощению «Русской Правды» в жизнь.

* * *

Между тем, Южное общество, как и первые союзы, оказалось организацией весьма неэффективной. Пестель недаром подчеркивал на следствии преемственность своей организации с организацией предыдущей, называя ее «Южным округом Союза благоденствия». Помимо идеи установления новой власти посредством военной революции, новое общество унаследовало от старого и организационную беспомощность. Четкий план построения Южного общества не был способен сделать из него структуру, готовую к захвату власти.

Еще в начале XX века историк М. В. Довнар-Запольский писал о том, что «между официальным зарождением Южного общества и началом его деятельности протек небольшой подготовительный период», после которого оно приступило к активным действиям⁵⁰. Споря с ним, М. В. Нечкина утверждала, что «ни о каком периоде затишья или о перерыве, который якобы установился в начале жизни общества, не приходится говорить. Южное общество возникло и сразу же начало действовать»⁵¹.

⁴⁸ Там же. М.: 1969. Т. XII. С. 367; Т. VII. С. 419.

⁴⁹ Чернов С. Н. Поиски «Русской Правды» П. И. Пестеля // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. С. 389.

⁵⁰ Довнар-Запольский М. В. Тайное общество декабристов. Исторический очерк. М., 1906. С. 95. Ср.: Базилевич В. М. Декабрист О. П. Юшневский // Декабристы на Україні. Київ, 1930. Т. 2. С. 49.

⁵¹ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 337.

Однако как признания на следствии, так и позднейшие мемуары самих участников тайной организации противоречат как Довнар-Запольскому, так и Нечкиной. Судя по всему, в жизни Южного общества не было ни «периода затишья», ни этапа активных действий. Более того, с самого момента образования как цельная организация оно практически не существовало.

Задуманные Пестелем жесткое построение заговора, различные степени «посвященности» в его тайны на практике не действовали. Ни одно из «главных правил» деятельности Южного общества «не было исполняемо», – признавал на следствии руководитель Директории⁵². Две из трех управ нового союза – Тульчинская и Каменская – существовали лишь номинально.

Проведя первую половину 1821 года в трудах «по делам греков и турок»⁵³, Пестель редко появлялся в главной квартире и очень мало времени мог уделять своей управе. Когда же в ноябре того же года он стал командиром Вятского пехотного полка со штабом в Линцах, ему пришлось и вовсе уехать из Тульчина. И Тульчинская управа развалилась. Следы охлаждения к делам тайного общества видны в показаниях и мемуарах большинства ее участников; прекратились даже такие не опасные для правительства формы деятельности заговорщиков, как «тульчинские беседы».

«Я сам не могу дать себе отчета, почему и как, но я и некоторые из моих друзей – Ивашев, Вольф, Аврамов 1-й (члены Тульчинской управы Южного общества. – О.К.) и еще другие с половины 1821 года не принимали уже прежнего участия в обществе и не были ни на одном заседании», – писал в мемуарах один из бывших «активистов» Союза благоденствия Николай Басаргин⁵⁴. Тот же Басаргин утверждал на следствии: с того момента, как Пестель уехал из Тульчина, «общество как бы кончилось»⁵⁵.

А один из самых близких Пестелю декабристов, князь Александр Барятинский, утверждал в показаниях, что «в 1822 же году большая часть сего общества отошла от нас». «Малое число членов и всегдашнее их бездействие было причиною, что нет во второй армии ни управ, ни порядку между членами», «А. П. Юшневский никогда не вмешивался в дела общества и по характеру, и по причине семейства, а только считался в оном», «Крюков занят женитьбой своей, никогда не входил даже и в разговоры. Ивашев уже два года у отца в Симбирске живет, Басаргин, Вольф, Аврамов совершенно отклонились даже от разговоров, касающихся до общества»⁵⁶.

«И если все почти не отстали от общества, по крайней мере, мне так всегда казалось, то более потому, что боялись друг перед дружкой прослыть трусами или эгоистами», – показывал поручик Павел Бобрищев-Пушкин⁵⁷.

«Тульчинская управа с самого 1821 года впала в бездействие, и с того времени все ее приобретения состояли в некоторых свитских офицерах», – признавался на допросе и сам Пестель⁵⁸.

Подобным же образом обстояли дела и в Каменской управе. Знаменитая Каменка, воспитанная Пушкиным, была, конечно, одним из важных центров российской культуры начала XIX века. В. С. Парсамов пишет: «Каменка – это место встречи различных эпох и культур», заключавшее в себе, к тому же, «огромные культуропорождающие возможности, которые оказались

⁵² ВД. Т. IV. С. 111.

⁵³ См. об этом: Киянская О. И. Пестель. М., 2005. С. 119–140.

⁵⁴ Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 62.

⁵⁵ ВД. М., 1969. Т. XII. С. 298.

⁵⁶ ВД. М., 1969. Т. X. С. 259–260.

⁵⁷ ВД. М., 1969. Т. XII. С. 404.

⁵⁸ ВД. М., 1969. Т. IV. С. 110.

намного долговечнее тех, кто их создал. Таким образом был подготовлен своеобразный каменский ренессанс 1860-х годов, когда там появился П. И. Чайковский»⁵⁹.

Однако дух свободолюбия, который царил в Каменке, был скорее духом дворянской аристократической фронды, чем духом политического заговора; не случайно Г. И. Чулков называл атмосферу Каменки «барским вольнодумством»⁶⁰. Руководитель управы Василий Давыдов – ровесник Пестеля, был с 1822 года в отставке и безвыездно жил в своем имении. В его личности «удачно сочетались политический радикализм и утонченность светской культуры»⁶¹. К 1825 году у Давыдова было уже шестеро детей. «Женившись, имевши несколько детей и живучи уединенно в деревне – какая может быть управа у Вас. Л. Давыдова», – резонно замечал на следствии Барятинский⁶².

О том, как проводили время обитатель Каменки и его друзья, сохранились уникальные свидетельства дружившего с Давыдовым Пушкина. Так, в написанном из Каменки в декабре 1820 года частном письме он сообщал: «Время мое протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами – общество наше, теперь рассеянное, было недавно разнообразная смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдателя. – Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, немного стихов»⁶³.

Другое пушкинское свидетельство – адресованное Василию Давыдову и датированное 1821 годом стихотворное послание:

Меж тем, как ты, проказник умный,
Проводишь ночь в беседе шумной,
И за бутылками аи
Сидят Раевские мои...

В стихотворении присутствует и характеристика тех «политических предметов», которые обсуждались в Каменке «за бутылкою аи»:

Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлою струей,
И за здоровье *тех* и *той*
До дна, до капли выпивали.
Но *те* в Неаполе шалят,
А *та* едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет! – мы счастьем насладимся,
Кровавой чашей причастимся –
И я скажу: «Христос воскрес».

В этих беседах о «*тех*» (революционерах) и «*той*» (свободе), о мировых революционных событиях, о возможности или невозможности провозглашения свободы в самой России,

⁵⁹ Парсамов В. С. Быт и поэзия декабриста Василия Львовича Давыдова // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. № 18. Саратов, 2000. С. 35, 36.

⁶⁰ Чулков Г. И. Мятежники 1825 года. М., 1925. С. 85.

⁶¹ Парсамов В. С. Быт и поэзия декабриста Василия Львовича Давыдова. С. 36.

⁶² ВД. Т. X. С. 260.

⁶³ Пушкин А. С. Письма: в 3 т. Т. 1. М.; Л., 1926. С. 14.

о том, «треснет» или «не треснет» «ярем» рабства, сложно было отличить голос облаченного в «демократический халат» В. Л. Давыдова от голосов его собеседников. Однако Давыдов в 1819 году вступил в заговор, а его собеседники, в частности, упомянутые в стихотворении его племянники Александр и Николай Раевские, славились своими вольнолюбивыми взглядами, но в тайном обществе не состояли. Не состоял в заговоре и Пушкин.

И хотя эти пушкинские свидетельства написаны до того, как Южное общество в полной мере организовалось, сведений о том, что Давыдов впоследствии вел себя принципиально по-другому, в распоряжении историков нет.

«Общество, не имеющее ни единомыслия, ни сил, ни денежных пособий, ни людей значительных, ни даже людей, готовых к действию или весьма мало, ничего произвести не может, кроме пустых прений», – признавался на следствии сам руководитель Каменской управы⁶⁴.

Кажется, что единственной реальной военной силой Тульчинской и Каменской управ вместе взятых (кроме, конечно, полка самого Пестеля) была 1-я бригада 19-й пехотной дивизии, которой с января 1821 года командовал генерал-майор князь Сергей Волконский. «У Пестеля никого не было, кроме Волконского», – показывал на допросе хорошо информированный в делах заговорщиков Александр Поджио.

Развал Южного общества стал очевиден Пестелю во время ежегодного – к тому времени уже четвертого – съезда руководителей управ в январе 1825 года в Киеве. Эти съезды были специально приурочены к киевской контрактной ярмарке: члены общества могли спокойно находиться в городе, не вызывая подозрений. Александр Поджио показывал: в 1825 году «Муравьев и Бестужев не приезжали в Киев по запрещению корпусным их командиром», «я имел также свои развлечения, Давыдов дела, Волконский свадьбу – словом, все это приводило Пестеля в негодование, и он мне говорил: “Вы все другим заняты, никогда времени не имеете говорить о делах”»⁶⁵.

⁶⁴ ВД. Т. X. С. 191.

⁶⁵ Там же. М., 1954. Т. XI. С. 78.

Глава II. «Канцелярия непроницаемой тьмы»

Разрабатывая свой план революции, Пестель, безусловно, учитывал опыт дворцовых переворотов XVIII века: революция должна была начаться с произведенного в Петербурге цареубийства. «Приступая к революции, – показывал Пестель на следствии, – надлежало про- извести оную в Петербурге, яко средоточии всех властей и правлений».

Правда, Пестель понимал, что революция и дворцовый переворот – вещи разные. После переворота не происходило слома старой государственной системы, просто на смену убитому монарху приходил его более или менее законный наследник. Теперь же предстояло ломать в России государственный строй. Существовала вполне реальная опасность, что наследник престола может двинуть на революционную столицу верные властям войска. И задуть ново- рожденную российскую свободу.

Отсюда – уверенность Пестеля в необходимости убийства не только царя, но и всей «авгу- стейшей фамилии». Отсюда же и идея поддержки революции силами 2-й армии. «Наше дело в армии и губерниях было бы признание, поддержание и содействие Петербургу», – показывал он на следствии⁶⁶. «Поддержание и содействие Петербургу» выражалось прежде всего в орга- низации революционного похода 2-й армии на столицу.

Этот поход был важен Пестелю не только как тактический элемент. Представляется, что он был сам, лично заинтересован в подобном «революционном действии». Пестель служил не в Петербурге, а в Тульчине. И в случае начала – без его участия – революции в столице его шансы возглавить будущее революционное правительство были минимальны. Между тем, именно себя он, скорее всего, и видел в этом качестве.

Историк С. Н. Чернов, суммируя большое количество следственных материалов, восста- новил «концепцию переворота», замышлявшегося на юге. Согласно Чернову переворот дол- жен был осуществиться независимо от того, состояли или нет в заговоре командиры отдель- ных воинских частей. Армейское руководство в лице главнокомандующего и начальника штаба должно было или поддержать революцию, или подвергнуться аресту и уйти с политической сцены. «Головка армии» переходила таким образом в руки Пестеля и его единомышленников. «Из нее в недра армии начальникам крупных частей идут приказы. Их исполнение обеспечи- вается не только воинскою дисциплиною, но и военною силою тех частей, начальники которых примкнули к заговору».

Чернов справедливо утверждал, что переворот мыслился Пестелю прежде всего как «война» – «с диктаторской властью полководца, которому целиком подчиняются все воен- ные и гражданские власти до момента полного упрочения победы». Правда, исследователь довольно скептически оценивал этот план, называя его построение «военно-бюрократиче- ским» и «нежизненным»⁶⁷.

Конечно, если исходить только из показаний декабристов на следствии, скепсис Чернова вполне обоснован. И Пестель, и многие другие главные действующие лица заговора на след- ствии достаточно подробно повествовали о тактике военной революции. Но не существует ни одного показания о том, как конкретно декабристы собирались брать власть в России. А без этой конкретики все их тактические размышления предстают пустыми разговорами.

В самом деле, откуда у Пестеля возникла уверенность в том, что он – всего лишь армей- ской полковник – способен организовать поход 2-й армии на Петербург? Ведь полковники армиями не командуют и приказы о начале движения не отдают. Для того чтобы в нужный момент добиться одномоментного выступления всех армейских подразделений, агитировать

⁶⁶ ВД. Т. IV. С. 102–103.

⁶⁷ Чернов С. Н. Декабрист П. Ив. Пестель. Опыт личной характеристики. С. 118.

солдат и офицеров «за революцию» бесполезно. Армия в целом все равно не пойдет за революционным «диктатором». Она пойдет только за легитимным командующим. При этом, коль скоро законность самого похода может вызвать и неминуемо вызовет сомнения, этот легитимный командующий должен быть хорошо известен и лично популярен среди офицеров и солдат. Пестель такой известностью и популярностью явно не обладал.

Кроме того, для начала большого похода одного приказа о выступлении мало. Необходимо кропотливая предварительная работа по подготовке дорог, складов с продовольствием, квартир для отдыха солдат. Все это невозможно организовать без содействия местных – военных и гражданских – властей. Но «военные и гражданские власти», точно так же, как и солдаты, могли подчиниться только легитимным приказам тех, кто имел право эти приказы отдавать.

Все это – элементарные законы движения армии, которые, конечно, Пестель не мог не понимать. Руководитель заговора первым по успехам окончил Пажеский корпус, всю взрослую жизнь прослужил в армии, прошел несколько военных кампаний, стал полковником и командиром полка в 28 лет. «Он на все годится: дай ему командовать армией или сделай каким хочешь министром, он везде будет на своем месте», – так характеризовал Пестеля генерал Витгенштейн⁶⁸.

Судя по документам, характеризующим служебную деятельность Пестеля, втайне от многих соратников он активно строил «заговор в заговоре» – свою «канцелярию непроницаемой тьмы». И именно на тех людей, кто оказывался вовлеченным в это строительство, южный лидер рассчитывал, готовя российскую революцию.

* * *

Одним из таких людей был генерал-майор князь Сергей Волконский. По происхождению князь Волконский был одним из самых знатных среди заговорщиков – в жилах его текла кровь Рюрика и Гедмина.

В 1796 году, в возрасте восьми лет, он был записан сержантом в армию. Однако он считался в отпуску «до окончания курса наук» и реально начал служить с 1805 года. Первый его чин на действительной службе – чин поручика в Кавалергардском полку, самом привилегированном полку русской гвардии. Сергей Волконский принял участие в войне с Францией 1806–1807 годов; его боевым крещением оказалась сражение под Пултусском. Потом его послужной список пополнился делами при Янкове и Гоффе, при Ланцберге и Прейсиш-Эйлау, «генеральными сражениями» под Вельзбергом и Фриландом. Участвовал в русско-турецкой войне 1806–1812 годов; штурмовал Шумлу и Рушук, осаждал Силистрию. Некоторое время состоял адъютантом у М. И. Кутузова, главнокомандующего Дунайской армией. С сентября 1811 года Волконский – флигель-адъютант императора.

С самого начала Отечественной войны 1812 года он – активный участник и один из организаторов партизанского движения. Первый период войны он прошел в составе «летучего корпуса» генерал-лейтенанта Ф. Ф. Винценгероде – первого партизанского отряда в России. После оставления французами Москвы Сергей Волконский был назначен командиром самостоятельного партизанского соединения.

После того, как Отечественная война завершилась и начались заграничные походы, отряд Волконского вновь соединился с корпусом Винценгероде и стал действовать вместе с главными русскими силами. Волконский отличился в боях под Калишем и Люценом, при переправе через Эльбу, в «битве народов» под Лейпцигом, в штурме Касселя и Суассона. Начав войну рот-

⁶⁸ Свистунов П. А. Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событии 14 декабря и о декабристах // Русский архив. 1870. № 8–9. С. 1644.

мистром, он закончил ее генерал-майором и кавалером четырех русских и пяти иностранных орденов, владельцем наградного золотого оружия и двух медалей в память 1812 года.

Современники вспоминали: вернувшись с войны в столицу, Сергей Волконский не снимал в публичных местах плаща. При этом он «скромно» говорил: «солнце прячет в облака лучи свои» – грудь его горела орденами⁶⁹. «Приехав одним из первых воротившихся из армии при блистательной карьере служебной, ибо из чина ротмистра гвардейского немного свыше двух лет я был уже генералом с лентой и весь увешанный крестами и могу без хвастовства сказать, с явными заслугами, в высшем обществе я был принят радушно, скажу даже отлично», – писал он в мемуарах⁷⁰.

Петербургский свет восхищался им, родители гордились. Отец уважительно называл его в письмах «герой наш князь Сергей Григорьевич». Для Военной галереи Зимнего дворца Дж. Доу нарисовал портрет Волконского. Перед молодым генералом открывались головокружительные карьерные возможности.

Но несмотря на блестящую военную карьеру, Сергей Волконский «остался в памяти семейной как человек не от мира сего»⁷¹. Частное поведение Волконского предвоенных, военных и послевоенных лет казалось современникам «странным». При этом для самого Волконского такое поведение было весьма органичным: в его позднейших мемуарах описанию этих «странностей» отводится едва ли не больше места, чем описанию знаменитых сражений.

В повседневной жизни Сергей Волконский реализовывал совершенно определенный тип поведения, названный современниками «гусарским». Этот тип поведения описал М. И. Пыляев: «Отличительную черту характера, дух и тон кавалерийских офицеров – все равно, была ли это молодежь или старики – составляли удалство и молодечество. Девизом и руководством в жизни были три стародавние поговорки: “двум смертям не бывать, одной не миновать”, “последняя копейка ребром”, “жизнь копейка – голова ничего!”. Эти люди и в войне, и в мире искали опасностей, чтоб отличиться бесстрашием и удалством»⁷². Согласно Пыляеву, особенно отличались «удалством» офицеры – кавалергарды.

Сергей Волконский – вполне в духе Пыляева – признавался в мемуарах, что для него самого и того социального круга, к которому он принадлежал, были характерны «общая склонность к пьянству, к разгульной жизни, к молодечеству, склонность к противоестественным утехам», «картёж... и беззазорное блядовство».

Образ жизни молодого бесшабашного офицера был, согласно тем же мемуарам, следующим: «Ежедневные манежные учения, частые эскадронные, изредка полковые смотры, вахт-парады, маленький отдых бессемейной жизни; гулянье по набережной или по бульвару от 3-х до 4-х часов; общей ватагой обед в трактире, всегда орошенный через край вином, не выходя, однако ж, из приличия; также ватагой или порознь по борделям, опять ватагой в театр...» Образ мыслей не многим отличался от образа жизни: «Шулерничать не было считаемо за порок, хотя в правилах чести были мы очень щекотливы. Еще другое странное было мнение – это что любовник, приобретенный за деньги, за плату, не подлое лицо», «книги забытые не сходили с полка».

Волконский вспоминал, как в годы жизни в Петербурге он и другой будущий декабрист, Михаил Лунин (попавший, кстати, в число пыляевских «чудаков»), «жили на Черной речке вместе. Кроме нами занимаемой избы на берегу Черной речки против нашего помещения была палатка, при которой были два живые на цепи медведя, а у нас девять собак. Сожительство этих животных, пугавших всех прохожих и проезжих, немало беспокоило их и пугало тем

⁶⁹ Из записок А. Г. Хомутовой // Русский архив. 1867. № 1–2. С. 1056–1057.

⁷⁰ Волконский С. Г. Записки. С. 304–305.

⁷¹ Волконский С. М. О декабристах (по семейным воспоминаниям). Пг., 1922. С. 15, 98–99.

⁷² Пыляев М. И. Замечательные чудаки и оригиналы. М., 1990. С. 39.

более, что одна из собак была приучена по слову, тихо ей сказанному: “Бонапарт” – кинуться на прохожего и сорвать с него шапку или шляпу. Мы этим часто забавлялись, к крайнему неудовольствию прохожих, а наши медведи пугали проезжих»⁷³.

Следует заметить, что, согласно Пыляеву, Черная речка была излюбленным местом кавалергардских «потех» – и петербургские обыватели старались обходить эту местность стороной.

Ни Отечественная война, ни заграничные походы, ни даже получение генеральского чина не заставили Волконского отказаться от «буйного» поведения. Приехав после окончания войны во Францию, он сделал огромные долги – и уехал, не расплатившись с парижскими кредиторами и торговцами. Французы обращались с просьбой вернуть долг и в российское Министерство иностранных дел, и лично к императору Александру I. Волконского разыскивали в России и за границей, он всячески уклонялся от уплаты – и все это порождало большую официальную переписку.

В результате долги сына вынуждена была заплатить его мать. И Волконский, генерал-майор и герой войны, не без некоторой гордости сообщал в 1819 году армейскому начальству, что уплату его долгов «приняла на свое попечение» его «матушка», «Двора Их Императорских Величеств статс-дама княгиня Александра Николаевна Волконская». Впоследствии мать продолжала исправно платить долги сына⁷⁴.

В конце 1810-х годов столь блестяще начатая военная карьера Сергея Волконского резко затормозилась. До самого своего ареста в 1826 году он не был произведен в следующий чин, его обходили и при раздаче должностей.

Согласно послужному списку с 1816 по 1818 год Сергей Волконский – командир 1-й бригады 2-й уланской дивизии. Когда же в августе 1818 года эту бригаду расформировали, то новой бригады князю не дали – он «назначен состоять при дивизионном начальнике оной же дивизии»⁷⁵. В ноябре 1819 года его шурин, близкий к императору Петр Волконский, просил государя назначить его «шефом Кирасирского полка», но получил «решительный отказ»⁷⁶.

Причина карьерных неудач князя, по мнению большинства исследователей, заключается в том, что уже тогда он начал обнаруживать признаки «вольнодумства». Н. Ф. Караш и А. З. Тихановская видят причину императорского «неудовольствия» в другом: в том, что Волконскому «не простили пребывания во Франции во время возвращения Наполеона с о. Эльбы». Также «не простили» Волконскому тот факт, что в Париже – уже после реставрации Бурбонов – он пытался заступиться за полковника Лабедуайера, первым перешедшего со своим полком на сторону Наполеона и приговоренного за это к смертной казни⁷⁷.

Однако «вольнодумство» Волконский обнаружил позже, события же во Франции, свидетелем и участником которых он был, состоялись намного раньше. Представляется, что в данном случае причину царского гнева на генерала следует искать в другом.

Сергей Волконский был хорошо известен и Александру I, и его приближенным. Царь называл своего флигель-адъютанта «мсье Серж» – «в отличие от других членов» семьи Волконских – и внимательно следил за его службой. Однако «гусарство» и «проказы» «мсье Сержа» и его друзей императору явно не нравилось: Волконский описывает в мемуарах, как после одной из «проказ» государь не хотел здороваться с ним и его однополчанами-кавалергардами, как «был весьма сух» с ним после его высылки из Молдавской армии⁷⁸.

⁷³ Волконский С. Г. Записки. С. 129–131, 136 и др.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 395. Оп. 65/320, 2 отд., 1 ст. Д. 350; Ф. 36. Оп. 1. Д. 617; Ф. 36. Оп. 1. Д. 617. Л. 10; Д. 723.

⁷⁵ ВД. Т. X. С. 100.

⁷⁶ Переписка П. Д. Киселева и А. А. Закревского // Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сборник ИРИО). СПб., 1891. Т. 78. С. 210.

⁷⁷ Караш Н. Ф., Тихановская А. З. Декабрист Сергей Григорьевич Волконский и его «Записки» // Волконский С. Г. Записки. С. 13.

⁷⁸ Караш Н. Ф., Тихановская А. З. Декабрист Сергей Григорьевич Волконский и его «Записки» // Волконский

Очевидно, император ждал, что после войны генерал-майор остепенится; этого не произошло. «В старые годы не только что юный корнет проказничал, но были кавалеристы, которые не покидали шалости даже в генеральских чинах», – совершенно справедливо замечает Пыляев⁷⁹. Скорее всего, следствием именно этого и стали карьерные неудачи князя.

В конце 1819 года жизнь Сергея Волконского круто перевернулась: он вступил в Союз благоденствия. Случайно оказавшись в Киеве на ежегодной зимней контрактной ярмарке, он встретил там своего старого приятеля Михаила Орлова. Орлов, генерал-майор и начальник штаба 4-го пехотного корпуса, уже давно состоял в тайном обществе, и его киевская квартира была местом встреч людей либеральных убеждений и просто недовольных существующим положением вещей.

То, что Волконский увидел и услышал на квартире Орлова, поразило воображение «гвардейского шалуна». Оказалось, что существует «иная колея действий и убеждений», нежели та, по которой он до этого времени шел: «Я понял, что преданность отечеству должна меня вывести из душного и бесцветного быта ревнителя шагистики и угоднического царедворничества», «с этого времени началась для меня новая жизнь, я вступил в нее с гордым чувством убеждения и долга уже не верноподданного, а гражданина и с твердым намерением исполнить во что бы то ни стало мой долг исключительно по любви к отечеству».

Через несколько месяцев после посещения квартиры Орлова Волконский попал в Тульчин, в штаб 2-й армии. Там произошло его знакомство с Пестелем. «Общие мечты, общие убеждения скоро сблизили меня с этим человеком и вродили между нами тесную дружескую связь, которая имела исходом вступление мое в основанное еще за несколько лет перед этим тайное общество», – писал Волконский в мемуарах.

Согласно этим мемуарам князь ни разу в жизни не пожалел ни о своем вступлении в тайное общество, ни о той роли, которую он для себя в этом обществе избрал: «Избранный мною путь довел меня в Верховный уголовный суд, и в каторжную работу, и к ссылочной жизни тридцатилетней, но все это не изменило вновь принятых мною убеждений, и на совести моей не лежит никакого гнета упрека».

С начала 1820 года в генерале происходит разительная перемена. Он перестает быть «шалуном» и «повесой» и, получив в 1821 году под свою команду 1-ю бригаду 19-й пехотной дивизии 2-й армии, безропотно принимает новое назначение. Волконский уезжает на место службы – в глухой украинский город Умань. В 1823 году, согласно мемуарам Волконского, император уже выражал «удовольствие» по поводу того, что «мсье Серж» «остепенился», «сошел с дурного пути». «Теперь я убедился, что ты принялся за дело, продолжай, и мне будет приятно это в тебе оценивать», – сказал император генералу.

В личной жизни Сергея Волконского тоже происходят перемены. «Блядовство» и традиционное светское женолюбие уступают место серьезным чувствам. В 1824 года Волконский делает предложение Марии Николаевне Раевской, дочери прославленного генерала, героя 1812 года. «Ходатайствовать» за него перед родителями невесты Волконский попросил Михаила Орлова, уже женатого к тому времени на старшей дочери Раевского, Екатерине. При этом князь, по его собственным словам, «положительно высказал Орлову, что если известные ему мои сношения и участие в тайном обществе помеха к получению руки той, у которой я просил согласия на это, то, хотя скрепясь сердцем, я лучше откажусь от этого счастья, нежели изменю политическим моим убеждениям и долгу моему к пользе отечества»⁸⁰. Генерал Раевский несколько месяцев думал, но в конце концов согласился на брак.

С. Г. Записки. С. 326, 176, 177.

⁷⁹ Пыляев М. И. Указ. соч. С. 60.

⁸⁰ Волконский С. Г. Записки. С. 357–359, 364, 384, 368.

Свадьба состоялась 11 января 1825 года в Киеве; посаженным отцом жениха был его брат Николай Репнин, генерал-губернатор Малороссии, а шафером – Павел Пестель. Впоследствии Репнин будет утверждать: за час до венчания Волконский внезапно уехал – и «был в отлучке не более четверти часа». «Яспросил его, – писал Репнин, – куда? – Он: надобно съездить к Пестелю. – Я: что за вздор, я пошлю за ним, ведь шафер у посаженного отца адъютант в день свадьбы. – Он: нет, братец, непременно должно съездить. Сейчас буду назад». Репнин был уверен: в день свадьбы его брат, под нажимом Пестеля, «учинил подписку» в верности идеям «шайки Южного союза»⁸¹.

Впрочем, современные исследователи не склонны верить в существование подобной подписки: Пестелю, конечно, вполне хватило бы и честного слова своего друга. Не заслуживает доверия и легенда, согласно которой Раевский добился от своего зятя прямо противоположной подписки – о том, что тот выйдет из тайного общества⁸².

Вступив в заговор, генерал-майор Сергей Волконский, которому к тому времени уже исполнился 31 год, полностью попал под обаяние и под власть 26-летнего Пестеля. Вместе с Пестелем Волконский начинает готовить военную революцию в России. И хотя никаких политических текстов, написанных до 1826 года рукой князя, не сохранилось, можно смело говорить о том, что его взгляды оказались весьма радикальными. В тайном обществе Волконский был известен как однозначный и жесткий сторонник «Русской Правды» (в том числе и ее аграрного проекта), коренных реформ и республики. При его активном содействии «Русская Правда» была утверждена Южным обществом в качестве программы. Несмотря на личную симпатию к императору Александру I, Волконский разделял и «намерения при начатии революции... покуситься на жизнь Государя императора и всех особ августейшей фамилии».

В отличие от многих других главных участников заговора, князь Волконский не страдал «комплексом Наполеона» и не мыслил себя самостоятельным политическим лидером. Вступив в заговор, он сразу же признал Пестеля своим безусловным и единственным начальником. И оказался одним из самых близких и преданных друзей председателя Директории – несмотря даже на то, что Пестель был намного младше его и по возрасту, и по чину, имел гораздо более скромный военный опыт. Декабрист Николай Басаргин утверждал на следствии, что Пестель «завладел» Волконским «по преимуществу своих способностей»⁸³.

В 1826 году Следственная комиссия без труда выяснила, чем занимался Волконский в заговоре. Князь вел переговоры о совместных действиях с Северным обществом (в конце 1823, в начале 1824 и в октябре 1824 года) и с Польским патриотическим обществом (1825 год). Правда, переговоры эти закончились неудачей: ни с Северным, ни с Польским патриотическим обществами южным заговорщикам договориться так и не удалось.

В 1824 году, по поручению Пестеля, Волконский ездил на Кавказ, пытаясь узнать, существует ли тайное общество в корпусе генерала А. П. Ермолова. На Кавказе он познакомился с известным бретером капитаном Александром Якубовичем, незадолго перед тем переведенным из гвардии в действующую армию. Якубович убедил князя в том, что общество действительно существует – и Волконский даже написал о своей поездке письменный отчет в южную Директорию. Но, как выяснилось впоследствии, полученная от Якубовича информация оказалась блефом.

Князь совместно с Василием Давыдовым возглавлял Каменскую управу Южного общества – но управа эта отличалась своей бездеятельностью. Волконский участвовал в большин-

⁸¹ Муллин В. Неизвестный документ о свадьбе Сергея Волконского // Русская филология. Сборник научных студенческих работ. Тарту, 1971. С. 87–93.

⁸² Карац Н. Ф., Тихановская А. З. Декабрист Сергей Григорьевич Волконский... С. 34.

⁸³ ВД. Т. VII. С. 216; Т. X. С. 156; Т. XII. С. 298.

стве совещаний руководителей заговора – но все эти совещания не имели никакого практического значения.

Однако у Волконского в тайном обществе был круг обязанностей, в выполнении которых он оказался гораздо более удачливым. На эту его деятельность Следственная комиссия особого внимания не обратила – но именно она главным образом и определяла роль князя в заговоре декабристов.

В «Записках» князя есть фрагмент, который всегда ставит в тупик комментаторов: «В числе сотоварищей моих по флигель-адъютантству был Александр Христофорович Бенкендорф, и с этого времени были мы сперва довольно знакомы, а впоследствии – в тесной дружбе. Бенкендорф тогда воротился из Парижа при посольстве и, как человек мыслящий и впечатлительный, увидел, какие [услуги] оказывает жандармерия во Франции. Он полагал, что на честных началах, при избрании лиц честных, смысленных, введение этой отрасли соглядатайства может быть полезно и царю, и отечеству, приготовил проект о составлении этого управления, пригласил нас, многих его товарищей, вступить в эту когорту, как он называл, людей добромыслящих, и меня в их числе. Проект был представлен, но не утвержден. Эту мысль Ал[ександр] Хр[истофорович] осуществил при восшествии на престол Николая, в полном убеждении, в том я уверен, что действия оной будут для охранения от притеснений, для охранения вовремя от заблуждений. Чистая его душа, светлый его ум имели это в виду, и потом, как изгнанник, я должен сказать, что во все время моей ссылки голубой мундир не был для нас лицами преследователей, а людьми, охраняющими и нас, и всех от преследования»⁸⁴.

События, которые здесь описаны, предположительно можно отнести к 1811 году – именно тогда Сергей Волконский стал флигель-адъютантом императора Александра I. Сведения о том, какой именно проект подавал Бенкендорф царю в начале 1810-х годов, не сохранилось. Известен более поздний проект Бенкендорфа о создании тайной полиции – проект, относящийся к 1821 году. Однако вряд ли в данном случае Волконский путает даты: с начала 1821 года он служил в Умани, и в этот период не мог лично общаться со служившим в столице Бенкендорфом.

Историки по-разному пытались прокомментировать этот фрагмент мемуаров Волконского. Так, например, М. Лемке в книге «Николаевские жандармы и литература» утверждал, что причина столь восторженного отзыва – в том, что Бенкендорф оказывал своему другокаторжнику «мелкие услуги», в то время как мог сделать «крупные неприятности»⁸⁵.

Современные же комментаторы этого фрагмента делают иной вывод: Волконский, попав на каторгу, сохранил воспоминания о Бенкендорфе – своем сослуживце по партизанскому отряду, храбром офицере, и не знал, «какие изменения претерпела позиция его боевого товарища»⁸⁶.

Однако с подобными утверждениями согласиться сложно: почти вся сознательная жизнь Сергея Волконского эти утверждения опровергает. Князь Волконский был и остался убежденным сторонником не только тайной полиции вообще, но и методов ее работы в частности. Этому немало способствовал опыт участия в партизанских действиях, которые, конечно, были невозможны без «тайных» методов работы.

В тайном обществе у Волконского был достаточно четко определенный круг обязанностей. Он был при Пестеле кем-то вроде начальника тайной полиции, обеспечивающим прежде всего внутреннюю безопасность заговора.

⁸⁴ Волконский С. Г. Записки. С. 178–179.

⁸⁵ Лемке М. Николаевские жандармы и литература. СПб., 1909. С. 26.

⁸⁶ Тихантовская А. З., Капелюш Б. Н., Караиш Н. Ф. Комментарий к «Запискам» С. Г. Волконского // Волконский С. Г. Записки. С. 440.

В 1826 году участь Волконского намного утяжелил тот факт, что, как сказано в приговоре, он «употреблял поддельную печать полевого аудиториата»⁸⁷. В 1824 году заговорщик действительно пользовался поддельной печатью, вскрывая переписку армейских должностных лиц. «Сия печать... председателя Полевого аудиториата сделана была мною в 1824 году», – показывал князь на следствии⁸⁸. Печать эта была использована по крайней мере один раз: в том же году Волконский вскрыл письмо начальника полевого аудиториата 2-й армии генерала Волкова к Киселеву, тогда генерал-майору и начальнику армейского штаба. В письме он хотел найти сведения, касающиеся Михаила Орлова, только что снятого с должности командира 16-й пехотной дивизии, и его подчиненного, майора Владимира Раевского. «Дело» Раевского, участника заговора, занимавшегося, в частности, пропагандой революционных идей среди солдат и попавшего под суд, могло привести к раскрытию всего тайного общества.

В целях тайного общества Сергей Волконский использовал и свои родственные и дружеские связи с армейским начальством, с высшими военными и гражданскими деятелями империи. А связей этих было немало: вряд ли кто-нибудь другой из заговорщиков мог похвастаться столь представительным «кругом общения». С начальником штаба 2-й армии генерал-майором Киселевым Волконский дружил еще с юности; дружба, как уже говорилось выше, связывала Волконского с генерал-лейтенантом Александром Бенкендорфом – тогда начальником штаба Гвардейского корпуса. «Ментором» и покровителем заговорщика был его шурин Петр Волконский. «Близкое знакомство» соединяло Волконского с генерал-лейтенантом Иваном Виттом, начальником южных военных поселений, в 1825 году известным доносчиком на декабристов.

Согласно мемуарам князя в 1823 году, во время Высочайшего смотра 2-й армии, он получил от императора Александра I «предостерегательный намек» – о том, что «многое в тайном обществе было известно». Довольный состоянием бригады Волконского, Александр похвалил князя за «труды». При этом монарх добавил, что «мсье Сержу» будет «гораздо выгоднее» продолжать заниматься своей бригадой, чем «заниматься управлением» Российской империей⁸⁹.

Летом 1825 года, когда появились первые доносы на южных заговорщиков и над тайным обществом нависла угроза раскрытия, подобное «предостережение» Волконский получил и от одного из своих ближайших друзей – начальника армейского штаба Киселева. Киселев сказал тогда Волконскому: «Напрасно ты запутался в худое дело, советую тебе вынуть булавку из игры»⁹⁰.

В ноябре 1825 года Волконский узнал о тяжелой болезни и последовавшей затем смерти императора Александра I на несколько дней раньше, чем высшие чины во 2-й армии и столицах. Уже 13 ноября 1825 года, за шесть дней до смерти императора, он знал, что положение Александра I почти безнадежное; узнал же он об этом от проезжавших через Умань в Петербург курьеров из Таганрога. Следует заметить, что, конечно, курьеры не имели право эту информацию разглашать. Однако шурина заговорщика, Петра Волконского, к тому времени уже снятый с поста начальника Главного штаба, но не потерявший доверия императора, был одним из тех, кто сопровождал Александра I в его последнее путешествие, присутствовал при его болезни и смерти. Видимо, именно этим и следует объяснить странную «разговорчивость» секретных курьеров.

15 ноября Волконский сообщил эти сведения Киселеву – и впоследствии по этому поводу было даже устроено специальное расследование. Когда же царь умер, Волконский сообщил Киселеву, что послал «чиновника, при дивизи[онном] штабе находящегося, молодого человека расторопного и скромного, под видом осмотра учебных команд в 37-м полку объехать всю

⁸⁷ ВД. Т. X. С. 179.

⁸⁸ ВД. Т. X. С. 144.

⁸⁹ Письма С. Г. Волконского к П. Д. Киселеву // Каторга и ссылка. 1933. № 2. С. 109, 383.

⁹⁰ ВД. Т. XII. С. 98.

дистанцию между Торговицею и Богополем и, буде что узнает замечательного, о том мне приехать с извещением»⁹¹. Фрагмент письма Волконского красноречиво свидетельствует: в армии у князя была и собственная секретная агентура.

Естественно, что этой информацией Волконский делился со своим непосредственным начальником по тайному обществу – с Пестелем.

* * *

Все годы существования Южного общества еще одним ближайшим помощником Пестеля в деле подготовки революции был генерал-интендант 2-й армии Алексей Юшневский.

Юшневский, сын чиновника средней руки, был человеком штатским – и в армии никогда не служил. Окончив Благородный пансион при Московском университете, а затем отучившись несколько лет в самом университете, он, как и его отец, делал чиновничью карьеру. Гуманный, прекрасно образованный и честный чиновник искренне ненавидел крепостное право и искренне верил в идеалы свободы, равенства и братства. Младшему брату он писал: «Я не знаю, как зовут те правила, которые я тебе внушить старался; ежели их называют философию XVIII века, тогда должно будет заключить, что имя сие дается правилам честности, бескорыстия, любви к своим собратиям, привязанности к тому обществу, в котором мы родились»⁹².

Юшневский не был столь противоречивой личностью, как Пестель. Отзывы о нем современников и исследователей положительны и спокойны. Единомышленники запомнили его как «добродетельнейшего республиканца», «стойка во всем смысле слова», никогда не изменявшего «своих мнений, убеждений, призвания», «умом и сердцем» любившего свое отечество⁹³. «Ровность его характера была изумительная; всегда серьезный, он даже шутил не улыбаясь», – вспоминал о нем его сибирский знакомый Н. А. Белоголовый⁹⁴. Анализируя деятельность Юшневого-декабриста, В. М. Базилевич отмечал его «спокойный разум осторожного политика»⁹⁵.

Причины же, приведшие в заговор Юшневого, были, скорее всего, иными, вообще не характерными для заговорщиков 1820-х годов.

Юшневский вступил в заговор уже вполне взрослым, состоявшимся человеком. В 1819 году, когда он был принят в Союз благоденствия, ему исполнилось 33 года. В войне он не участвовал, политических амбиций был лишен. Его привело в тайное общество не желание стать «действующим лицом истории», а гуманный характер и твердые политические убеждения. О твердых убеждениях Юшневого свидетельствует прежде всего его реальная служебная деятельность, непосредственно предшествовавшая вступлению в заговор.

В 1816 году Юшневскому поручили «отправиться по делам службы в Бессарабию для собрания сведений о поселенных там болгарях, изъявивших желание составить особое войско на правах донских казаков»⁹⁶. Он входит в состав, а вскоре и фактически возглавляет правительственную комиссию по исследованию положения болгарских переселенцев в Бессарабии.

События, в которых принимал непосредственное участие Юшневский, хорошо известны. В 1806–1812 годах, спасаясь от войны, из Болгарии через Молдавию и Валахию на русскую территорию, в Бессарабию, перешли несколько тысяч болгарских семей. Согласно Бухарест-

⁹¹ Там же. М., 2001. Т. XIX. С. 443–448, 447.

⁹² Из архива декабриста Юшневого // Бунт декабристов: Юбилейный сборник. 1825–1925. Л., 1926. С. 324, 325.

⁹³ Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 71; Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 266.

⁹⁴ Белоголовый Н. А. Из воспоминаний сибиряка о декабристах // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 356–357.

⁹⁵ Базилевич В. М. Декабрист О. П. Юшневский: Спроба біографії // Декабристи на Україні. Київ, 1930. Т. 2. С. 51.

⁹⁶ ВД. Т. X. С. 40.

скому мирному договору этим семьям было предоставлено право вернуться на родину. Правда, мало кто из переселенцев этим правом воспользовался. Болгария, как и многие другие европейские страны, была занята Турцией, и переселенцы боялись мести своих правителей.

Интересы переселенцев вошли в противоречие с интересами местных помещиков и местных властей. Помещики и власти не только не помогали болгарам, но и всячески стремились распространить на них крепостную зависимость – поскольку те обосновались на частных землях. Крепостного права в российском понимании этого слова в Бессарабии не было, однако крестьяне, живущие на помещичьей земле, обязаны были исполнять в пользу хозяина многочисленные повинности.

Болгары, не желая эти повинности исполнять, бросали нажитое имущество и пытались уйти с частных земель на земли казенные. Однако их стали возвращать обратно силой. Переселенцы писали жалобы Беннигсену, министру внутренних дел и даже самому императору. Они просили позволения выбрать собственное самоуправление и составить «особое войско на правах донских казаков». С положением болгар нужно было срочно разбираться, иначе дело вообще могло закончиться бунтом.

Приехав в Бессарабию и вникнув в положения дел, Юшневский решительно принял сторону переселенцев. Он писал Беннигсену рапорты и записки о том, что насильственное возвращение болгар на частные земли незаконно, как незаконны и попытки помещиков сделать из них крепостных. «Таковые претензии помещиков не могли бы быть и приняты, ибо переселенцы перешли из-за Дуная не по их приглашению и водворены без их иждивения», – утверждал он⁹⁷.

Занимаясь делами переселенцев, Юшневский выполнял и секретную дипломатическую миссию. В 1826 году на допросе он покажет, что «был командирован в Бессарабскую область для сношения с поселившимся там во время последней с турками войны болгарским народом, изъявившим готовность перевести из Оттоманских владений остальных своих единоземцев, с тем чтобы предоставлены им были особые права и преимущества»⁹⁸. Речь, таким образом, шла о переселении большей части болгар в Россию. И проект этот был для России выгодным: Бессарабия была плодородным, но малозаселенным краем.

Естественно, помещики и местные власти были крайне недовольны миссией Юшневского. С помощью «угроз» и «лживых внушений» переселенцам они всячески тормозили работу его комиссии. Непосредственным начальникам надворного советника направлялись рапорты и прошения о том, чтобы удалить его из комиссии как «не заслуживающего никакого уважения»⁹⁹.

Юшневскому было трудно. В письме брату Семену в сентябре 1817 года он пожалуется: «Я отправился в Бессарабию, как тебе известно, месяца на два, а живу до сих пор против воли, претерпевая все возможные неприятности, и вмести всех наград, каковыми льстил себя в начале, ограничиваюсь одним только желанием освободиться из сей обетованной земли; но и в сем не имею успеха».

Но отступить не позволяли убеждения – правила «честности, бескорыстия и любви к своим собратям»¹⁰⁰.

Юшневскому не удалось осуществить проект переселения болгар в Россию, была оставлена без внимания и их просьба об организации «особого войска». Но местным властям и местным помещикам не удалось закрепить переселенцев; им было позволено переселиться на казенные земли и завести у себя подобие самоуправления. «Господин Юшневский столь

⁹⁷ Казаков Н. И. Борьба декабриста А. П. Юшневского за права и привилегии болгарских переселенцев в Бессарабии в 1816–1817 гг. // Доклады и сообщения Института Истории АН СССР. М., 1965. С. 41.

⁹⁸ ВД. Т. X. С. 84.

⁹⁹ Мецгерюк И. И. Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар в Бессарабии в 1812–1820 гг. Кишинев, 1957. С. 95.

¹⁰⁰ Из архива декабриста Юшневского // Бунт декабристов. Юбилейный сборник. 1825–1925. Л., 1926. С. 324, 325.

многотрудное дело исполнил с совершенным успехом, оказав при сем случае опыт благоразумия, деятельности и ревностного к службе усердия», – так характеризовал чиновника один из его начальников¹⁰¹.

Многие из «людей 1820-х годов» – и декабристы, и недекабристы – считали крепостное право «позором» и тормозом в развитии страны. Но большинство из них ограничивались лишь разговорами о вреде «крепостного состояния» в разных его проявлениях, о желательности его ограничения и отмены; на решительные действия против «позора крепостничества» мало кто мог отважиться. Юшневский же лично спас от феодальной зависимости несколько тысяч человек – и в связи с этим его вступление в заговор декабристов представляется вполне обоснованным и логичным.

* * *

В середине 1819 года Юшневский приехал в Тульчин – и по приглашению главнокомандующего Витгенштейна стал генерал-интендантом 2-й армии. И практически сразу же вступил в заговор.

Собственно, «звездный час» Юшневского-заговорщика настал в начале 1821 года. Он решительно поддерживает Пестеля в отказе подчиниться постановлению съезда; когда в Тульчине узнают о ликвидации Союза благоденствия, он проявляет не меньшую – если не большую – активность, чем сам Пестель.

Еще до того, как Тульчинская управа принялась обсуждать постановление съезда, Юшневский предложил Пестелю воспользоваться сложившейся ситуацией – и укрепить ряды заговорщиков. Согласно показанию Пестеля Юшневский собирался «представить» заговорщикам картину «опасностей и трудностей предприятия» – «дабы испытать членов и удалить всех слабосердных». «Лучше их теперь от Союза при сем удобном случае удалить, нежели потом с ними возиться», – в этом Юшневский был уверен.

Пестель с этим планом согласился.

На общем собрании тульчинских заговорщиков генерал-интендант выступал сразу после Пестеля – и произнес «речь об опасности продолжения общества». Юшневский – вполне в духе предварительной договоренности с Пестелем – повествовал об «опасности такового соединения», советовал «не увлекаться мгновенным порывом самолюбия, но испытать внимательнее свои к тому силы и способности». При этом он добавил, что и сам желает взять время «на размышление»¹⁰².

Анализируя дошедшие до нас свидетельства об этой речи, М. К. Азадовский назвал ее «содокладом» к «докладу» Пестеля. Действительно, это выступление оказало на собравшихся сильное впечатление. Юшневский к этому времени уже почти полтора года был генерал-интендантом 2-й армии, его авторитет в глазах присутствующих был велик. Обнаружить перед ним свою трусость не желал никто. Поэтому все участники собрания, кроме ушедших еще в самом его начале Бурцова и Комарова, «не обинуясь, возгласили, что без дальнейших размышлений желают сохранить прежний состав»¹⁰³.

С 1821 года биографии Пестеля и Юшневского оказываются теснейшим образом связанными. Статус обоих членов Директории был равным, равными были и их полномочия. Полномочия же эти состояли «в надзоре за исполнением установленных обществом правил, в сохранении связи между членами и управами, в назначении председателей по Управам, в принятии

¹⁰¹ Казаков Н. И. Указ. соч. С. 45–46.

¹⁰² ВД. Т. IV. С. 108; Т. XII. С. 144; Т. X. С. 48–49.

¹⁰³ Азадовский М. К. Затерянные и утраченные произведения декабристов // Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1992. Кн. 2. С. 66; ВД. Т. X. С. 49.

членов в бояре и в присоединении к Директории новых членов или председателей». При этом отношения южных директоров строились на взаимном доверии. Согласно показаниям Пестеля они с Юшневским договорились «действовать в случаях, не терпящих отлагательства, именем Директории без предварительного между собою сношения, в полной уверенности, что другой член подтвердит его действие».

Все годы существования заговора Пестель и Юшневский были единомышленниками и верными соратниками. В январе 1822 года, на первом съезде южных руководителей в Киеве, Юшневский, поддерживая Пестеля, еще раз «изъявил согласие» на «продолжение общества». Генерал-интендант оказался полностью в курсе переговоров Южного общества с Польским патриотическим обществом о совместных действиях; в январе 1824 года он – от лица Директории – вынес благодарность за успешные переговоры с поляками Михаилу Бестужеву-Рюмину. Когда же эти переговоры взялся вести сам Пестель, то действовал он «не иначе, как по предварительному совещанию с Юшневским и с его согласия».

В отсутствие Пестеля Юшневский проводил заседания руководителей Южного общества. К нему как к руководителю заговора адресовались южные заговорщики, рассказывая о своих «успехах» по обществу. Вообще, согласно справке, составленной по итогам следствия над Юшневским, он «разделял все злодейские замыслы общества, знал о всех преступных его сношениях, действиях и связях и как начальник сего общества одобрял оные»¹⁰⁴.

Юшневский полностью одобрял и «Русскую Правду» с ее идеей республики и военной диктатуры; был активным сторонником царевубийства. Более того, он помогал Пестелю в работе над «Русской Правдой», редактируя программный документ Южного общества¹⁰⁵. Проект этот вполне отвечал политическим воззрениям Юшневского – отмена крепостного права декларировалась в нем в качестве неотложной меры.

Правда, Юшневский не был теоретиком заговора, не стремился – в отличие от Пестеля – и стать военным диктатором. В случае победы Пестель видел его на должности министра финансов в новом правительстве. Вообще он казался многим декабристам, как на юге, так и в Петербурге, фигурой чисто декоративной, важной Пестелю лишь по тому уважению, которым он пользовался во 2-й армии как генерал-интендант.

Собственно, в тайном обществе Юшневский действительно играл вторую роль; ни о каких самостоятельных, не согласованных с Пестелем его инициативах историкам не известно. Более того, за все время пребывания в тайном обществе он принял в заговор только одного нового члена, служившего в тульчинском штабе армейского врача Фердинанда Вольфа. Даже его младшего брата Семена, чиновника канцелярии Витгенштейна, в тайное общество принял Пестель – без ведома генерал-интенданта¹⁰⁶. Вообще, до конца 1825 года Юшневский ни разу не позволил себе и публично не согласиться с какой-либо инициативой Пестеля – по крайней мере, сведений об этом не сохранилось.

Однако, анализируя документы, следует признать, что в деле реальной подготовки революции Юшневский был фигурой ключевой и знаковой.

* * *

Назначая в мае 1818 года главнокомандующим 2-й армией генерала от кавалерии Петра Витгенштейна, император, безусловно, учитывал тот факт, что этот генерал был одним из самых прославленных русских полководцев. В 1812 году Отдельный корпус под его командо-

¹⁰⁴ ВД. Т. IV. С. 111, 161; Т.Х. С. 90–94.

¹⁰⁵ См. об этом: ВД. Т. X. С. 62–63; Чернов С. Н. Поиски «Русской Правды» П. И. Пестеля. С. 388.

¹⁰⁶ ВД. М., 1986. Т. XVI. С. 197; Т. X. С. 93; Т. XII. С. 122; Т. XIX. С. 22.

ванием остановил наступление наполеоновских частей на столицу России, за что сам Витгенштейн получил почетное прозвище «спаситель Петрополя».

Конечно же, император надеялся, что Витгенштейну, благодаря его репутации и его опыту, удастся справиться с проблемами, одолевавшими армию в послевоенные годы. Проблемы же эти были весьма непростыми.

«Витгенштейновы дружины» были расквартированы на юго-западе России: в Киевской, Подольской, Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях, а также в Бессарабской области. Они состояли из двух пехотных корпусов (16 пехотных и 8 егерских полков в составе четырех пехотных дивизий), девяти казачьих полков, одной драгунской дивизии, нескольких артиллерийских бригад и пионерных батальонов. Это войско было ничтожно малым по сравнению с расквартированной в западных губерниях 1-й армией, в состав которой, не считая кавалерии и артиллерии, входило пять пехотных корпусов. Естественно, что и сам император, и высшее военное командование сосредотачивали свое внимание прежде всего на 1-й армии.

2-я армия была пограничной: прикрывала протяженную границу с находившимися под протекторатом Турции Дунайскими княжествами – Молдавией и Валахией. Отсюда – целый ворох пограничных проблем: контрабандные перевозки товаров, незаконные переходы границы, приграничный шпионаж. Когда же в 1821 году вспыхнуло восстание молдавских и валашских греков против Турции, война с турками многим современникам представлялась весьма близкой. Граница в любой момент могла стать линией фронта, а 2-я армия – ударной силой русского вторжения на Балканы. Существовала и опасность другого рода: «турецкие банды могли прорваться на русскую территорию»¹⁰⁷.

Кроме приграничных, во 2-й армии существовали и общеармейские проблемы: продовольствие и снабжение войск, кадровая политика, военная подготовка, армейская дисциплина.

Особой проблемой была борьба с коррупцией в среде высшего армейского командования. Общее армейское неблагополучие ярче всего проявлялось в самой «денежной» области армейского управления – в интендантстве.

Должность генерал-интенданта была в армии одной из ключевых. Генерал-интендант напрямую подчинялся главнокомандующему армией, занимал второе после главнокомандующего место в армейской иерархии. Это второе место он делил с начальником армейского штаба. Для осуществления своих обязанностей генерал-интенданту был положен большой штат сотрудников – собственная канцелярия и полевая провиантская комиссия во главе с армейским генерал-провиантмейстером. Полевой провиантской комиссии подчинялись корпусные комиссионерства – органы, отвечающие за обеспечение продовольствием отдельных корпусов.

Армейский генерал-интендант имел доступ к большим деньгам: именно он составлял армейский бюджет. Согласно принятому в 1812 году «Учреждению для управления большой действующей армией» «должность» генерал-интенданта состояла также в «исправном и достаточном продовольствовании армии во всех ее положениях съестными припасами, жалованьем, одеждою, амуницією, аптечными веществами, лошадьми и подводами».

В 1820-х годах снабжение армии хлебом и фуражом осуществлялось централизованно, на бюджетные деньги. Армия имела постоянные армейские магазины – склады, из которых близлежащие военные части получали продовольствие. Заготовление хлеба и фуража, заполнение магазинов всецело подлежали ответственности генерал-интенданта. Заполнялись же магазины прежде всего с помощью открытых торгов, к которым приглашались все желающие. Правильная организация торгов, заключение контрактов («кондиций») с поставщиками по выгодным

¹⁰⁷ Сыроечковский Б. Е. Балканская проблема в планах декабристов // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 214.

для казны ценам, контроль за «исправностью» поставок – все это входило в «зону ответственности» генерал-интенданта.

Генерал-интендант лично отвечал и за устройство дорог, по которым могла двигаться армия («военных дорог»), был обязан устраивать вдоль этих дорог продовольственные пункты («эшелоны магазинов и свалок продовольствия»). Ответственность, возложенная законом на генерал-интенданта, многократно увеличивалась в случае начала военного похода. Согласно тому же «Учреждению...» при объявлении военного положения генерал-интендант автоматически становился генерал-губернатором всех губерний, в которых были расквартированы армейские части¹⁰⁸.

Между тем, 2-й армии с генерал-интендантами явно не везло. С 1817 по 1819 год на этой должности сменилось четыре человека. И все они – в большей или меньшей степени – оказались замешанными в коррупции и доносах на собственное начальство.

Естественно, что главнокомандующему, которому пришлось решать все эти проблемы, были необходимы лично преданные сотрудники. В 1818 году, практически сразу же по прибытии Витгенштейна к армии, огромное влияние в штабе приобретает штабс-ротмистр Павел Пестель – начальник канцелярии главнокомандующего. Даже в Петербург из 2-й армии просочились слухи, что Пестель «все из него (т. е. Витгенштейна) делает» и что без участия «графского адъютанта» в штабе не принимается ни одно серьезное решение¹⁰⁹.

В конце 1821 года Пестель покинул штаб – в связи с назначением полковым командиром Вятского пехотного полка. Однако он по-прежнему был дружен со штабными офицерами, многие из которых к тому же состояли в заговоре. Положение штабных заговорщиков с его уходом не пошатнулось – во многом благодаря тому, что влияние в делах сохранил армейский генерал-интендант, статский советник Алексей Юшневский, занимавший эту должность с декабря 1819 года.

Казалось бы, в связи с этим назначением перед заговорщиками открылись головокружительные финансовые возможности. Юшневский, получивший право распоряжаться деньгами армейского бюджета, мог, подобно своим предшественникам, понимать это право «расширительно». И тратить казенные деньги на нужды заговора.

Подтверждение этому найти нетрудно: в 1828 году, через два года после ареста и осуждения, на Юшневского был наложен огромный начет по интендантству. Согласно справке, составленной III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, «по требованию Временного счетного отделения интендантства 2-й армии здешнее губернское правление (губернское правление Подольской губернии. – *О.К.*) предположило взыскать с селения Хрустовой 326 018 руб. 49 ¹/₂ коп., обращенных на ответственность бывшего генерал-интенданта Алексея Юшневского». На деревню Хрустовую – имение бывшего интенданта, которым, после смерти отца и до своего осуждения, он владел вместе с братьями, было наложено запрещение¹¹⁰. Декабрист А. Е. Розен, отбывавший каторгу вместе с Юшневским, рассказал в мемуарах о том, что разбирательство по интендантским делам «огорчало Юшневского в тюрьме потому, что если бы комиссия при ревизии обвинила его в чем-нибудь, то он был бы лишен возможности оправдаться».

Но тот же Розен описывает «радость и восторг старца, когда по прошествии восьми лет прислали ему копию с донесения комиссии высшему начальству, в коей было сказано, что бывший генерал-интендант 2-й армии А. П. Юшневский не только не причинял ущерба казне, но, напротив того, благоразумными и своевременными мерами доставил казне значительные выгоды».

¹⁰⁸ Учреждение для управления большой действующей армией. СПб., 1828. Отд. III. С. 3; Отд. VI. С. 41–42; Отд. III. С. 3.

¹⁰⁹ Переписка П. Д. Киселева и А. А. Закревского. Т. 78. С. 195.

¹¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109, Оп. 1, 1 эксп. Д. 61. Ч. 230.

«Первое чувство, произведенное во мне известием о разрешении от начета, было – удивление. В положении моем я считал это несбыточным. Благоговею перед правосудием, оправдавшим беззащитного!» – писал он по этому поводу брату Семену¹¹¹.

И если власти посчитали возможным официально оправдать каторжника в служебных преступлениях – значит, начет действительно был ошибочным. А Юшневский честный чиновник, не наживался на продовольственных подрядах и не присваивал казенных денег – пусть даже и для благородной цели революции в России. Для этой самой цели Юшневский использовал не украденные из казны деньги, а свое служебное положение.

* * *

Давно замечено, что начало 1823 года – совершенно особый период в жизни Южного общества, «значительная дата»¹¹², период резкой активизации деятельности заговорщиков. В январе этого года в Киеве состоялся очередной – второй по счету – съезд южных руководителей. Это был самый важный съезд в истории общества: ни на одном совещании ни до, ни после него столь масштабные решения не были обсуждаемы и принимаемы. При этом и форма проведения съезда была не похожа на большинство подобных совещаний. Вместо разговоров «между Лафитом и Клико» было организовано официальное заседание с формальным голосованием по обсуждавшимся вопросам.

На съезде, кроме Пестеля и Юшневского, присутствовали Сергей Волконский, Василий Давыдов, Сергей Муравьев-Апостол и юный, только недавно принятый в заговор Михаил Бестужев-Рюмин. Согласно показаниям Бестужева-Рюмина и Давыдова Пестель, председательствовавший на съезде, «торжественно открыл заседание» и предложил на обсуждение несколько теоретических вопросов: относительно введения в России республиканского правления, формы будущих демократических выборов («прямые» или «косвенные»), планировавшегося после революции передела земельной собственности, религиозного устройства будущего государства.

Говорили и о тактических установках будущей революции: Пестель утверждал, что «действие» надо начинать в Петербурге «яко средоточии всех властей и правлений» и что задача Южного общества состоит в «признании, поддержании и содействии» петербургским революционерам. Возражая ему, Сергей Муравьев предлагал немедленные и решительные действия на юге.

Главный вопрос, который Пестель поставил перед участниками съезда, – вопрос о царевубийстве в случае начала революции. Бестужев-Рюмин показывал: «Пестель спросил потом у нас: согласны ли мы со мнением общества о необходимости истребления всей императорской фамилии. Мы (имеются в виду сам автор показаний и его друг Сергей Муравьев-Апостол. – О.К.) сказали, что нет. Тут возникли жаркие и продолжительные прения: Муравьев в своем мнении устоял, а я имел несчастье убедиться доводами Пестеля». Сведения эти подтверждал и Сергей Муравьев: «Мнения членов были: Пестеля, Юшневского, В. Давыдова, князя Волконского: истребить всех. Бестужева: одного государя. Мое: никого».

Несмотря на «жаркие и продолжительные прения» о теоретической возможности «истребления» императорской фамилии Пестель заставил собравшихся рассматривать этот вопрос и в практической плоскости. Он вынес на обсуждение свой проект разделения будущего революционного действия на «заговор» и «собственно революцию».

¹¹¹ Розен А. Е. Указ. соч. С. 267; Письма декабриста Алексея Петровича Юшневского и его жены Марии Казимировны из Сибири. Киев, 1908. С. 126.

¹¹² Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 1. С. 396.

«Заговор», по мнению Пестеля, должен быть осуществлен особым «обреченным отрядом» людей, формально не принадлежавших к обществу. Целью этого «заговора» было цареубийство, а возглавить «обреченный отряд» мог бы, по мысли руководителя заговора, его старший приятель Михаил Луний – человек, известный своей решительностью и отвагой. «Ежели бы такая партия была составлена из отважных людей вне общества, то сие бы еще полезнее было», – показывал на следствии сам Пестель¹¹³. Совершенное в столице цареубийство должно было стать сигналом к началу «собственно революции» – революционного выступления армии.

Анализируя «повестку дня» киевского съезда 1823 года, нельзя не увидеть в ней целый ряд нелогичных моментов. Так, например, согласно идеям того же Пестеля после победы революции надлежало установить многолетнюю диктатуру Временного революционного правления – а не проводить «прямые» или «косвенные» выборы. Не имело практического смысла и обсуждение вопроса об «обреченном отряде»: людей, готовых в него войти, у Пестеля не было, а с Михаилом Луниным он, служа в Тульчине, много лет не виделся. Цареубийство же как необходимый элемент революционного плана было принято уже давно, при образовании в 1821 году Южного общества.

Представляется, что главная задача проводившего съезд Пестеля была вовсе не в обсуждении совершенно не актуальных проблем. Задача была в другом: добиться единства главных участников заговора. Сергей Волконский, один из ближайших друзей Пестеля, посвященный во многие его планы, впоследствии писал в мемуарах: южная Директория использовала обсуждение проектов цареубийства как «обуздывающее предохранительное средство к удалению из членов общества; согласие, уже не дававшее больше возможности к выходу, удалению из членов общества». По законам Российской Империи «умысел» на цареубийство приравнялся к самому «деянию» – и тот, кто согласился на эту меру, подвергался «полной ответственности за первоначальное согласие»¹¹⁴. Сурово должен был быть наказан и тот, кто знал об этом умысле, но не донес на него властям.

И здесь логично поставить вопрос о том, почему именно в начале 1823 года Пестелю понадобилось подобным образом цементировать свою организацию. Ответ можно найти, анализируя служебную деятельность Алексея Юшневского.

В самом начале 1823 года, очевидно, за несколько дней до киевского съезда, генерал-интендант составил и отправил в Петербург, в Главный штаб, смету армейских расходов на 1823 год. Конкретную сумму заявленного бюджета установить на сегодняшний день не удалось. Но документы свидетельствуют: для содержания 2-й армии Юшневский запросил сумму в несколько раз большую, чем та, которой армия «довольствовалась» раньше. Бюджет увеличился несмотря на то, что торги по поставкам продовольствия для армии на 1823 год оказались на редкость удачными для казны: удалось сэкономить 1 миллион 600 тысяч рублей¹¹⁵.

Судя по резкой и мгновенной реакции царя и последовавшими за этим событиями, предполагаемое увеличение бюджета было значительным. И в данном случае возмущение царя можно понять: в 1823 году не намечалось ни войны, ни передислокации крупных подразделений. Экономика страны была в тяжелейшем кризисе, вызванном постоянными войнами начала XIX века. За полгода до представления сметы Александр I особым «рескриптом» объявил «необходимость в уменьшении государственных расходов на 1823 год»¹¹⁶. По военному ведомству в целом эти расходы должны были, по мысли императора, уменьшиться на 37 миллионов рублей¹¹⁷.

¹¹³ ВД. Т. IX. М., 1950. С. 111; Т. X. С. 232; Т. IV. С. 101–102, 278, 180.

¹¹⁴ Волконский С. Г. Указ. соч. С. 367.

¹¹⁵ Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 1. СПб., 1882. С. 230.

¹¹⁶ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 3. Д. 5384. Л. 1–5 об., 2.

¹¹⁷ Заблоцкий-Десятовский А. П. Указ. соч. Т. 1. С. 197.

Неосторожные действия генерал-интенданта, сразу же попавшего под подозрение в «злом умысле», можно, конечно, попытаться объяснить заботой о нуждах армии. Однако вряд ли Юшневского настолько волновали армейские нужды, что ради них он был готов даже открыто нарушить предписание императора. Вернее другое: именно в 1823 году южные заговорщики планировали начать военную революцию. Для движения армии требовались деньги – и Юшневский попытался их добыть вполне легально, путем увеличения бюджета.

Между тем, если принять эту версию, то тогда понятна и настойчивость Пестеля, заставившего участников киевского съезда обсуждать цареубийство и формально голосовать за него. Главные деятели тайного общества, не посвященные в «план 1823 года», должны были, не задумываясь, поддержать революцию. Собственно, после киевского съезда иного выбора у них не осталось. Выступить против действий Пестеля и Юшневского они просто не могли – за согласие на цареубийство всем им грозила смерть.

1823 год – год резко возросшей активности эмиссаров Пестеля в Петербурге. В феврале этого года, сразу же после съезда, в столицу отправляются сразу два его участника – Сергей Волконский и Василий Давыдов. Некоторое время спустя вслед за ними едет не участвовавший в съезде, но весьма информированный в делах общества князь Александр Барятинский. Все трое эмиссаров имели при себе письма Пестеля к одному из северных руководителей – Никите Муравьеву, руководителю созданного за год до того Северного общества. Никиту Муравьева, своего старинного друга, Пестель в 1823 году не без оснований считал собственным единомышленником в столице. Цель этих поездок, по словам Волконского, состояла в том, чтобы «учредить связь чрез Никиту Муравьева между северной и южной управами».

Попавшие потом в экстремальную ситуацию следствия, и Пестель, и его эмиссары согласно показывали, что цель этих поездок – теоретические разговоры с Никитой Муравьевым о слиянии двух обществ и о будущей российской конституции. Исключение составляют лишь показания Барятинского – человека слабого, оказавшегося совершенно сломленным еще в самом начале следствия и поэтому активно с ним сотрудничавшего. Согласно Барятинскому Пестель поручил ему устно передать Никите Муравьеву, что южные заговорщики «непременно решились действовать в сей год». От Муравьева Пестель потребовал «решительного ответа»: «могут ли и хотят ли» северяне «содействовать нашим усилиям»¹¹⁸.

Видимо, испугавшись своего признания, Барятинский тут же оговорился, что Пестель не собирался в 1823 году начинать восстание, а желал только «возбудить» в петербургских заговорщиках «более деятельности». Но вряд ли Пестель решился бы на такую грубую и примитивную ложь – даже во имя благой цели объединения обществ и активизации действий северных лидеров. Судя по действиям Пестеля и Юшневского, «план 1823 года» был реальным. Никита Муравьев действительно мыслился южными директорами как человек, способный организовать в столице его поддержку.

План этот провалился. Никита Муравьев испугался активности южных эмиссаров; император Александр I не утвердил бюджет. Более того, после этой истории у генерал-интенданта, не рассчитавшего политической конъюнктуры, начались крупные служебные неприятности. В феврале 1823 года император отправил во 2-ю армию ревизора – непосредственного начальника Юшневского «по провиантской части», генерал-провиантмейстера и директора провиантского департамента Военного министерства Андрея Абакумова.

И несмотря на то, что выводы Абакумова оказались в целом благоприятными для генерал-интенданта, в глазах высшего военного начальства Юшневский потерял прежнюю репутацию безупречного чиновника. За его действиями стали пристально следить – и делали это в обход Витгенштейна.

¹¹⁸ ВД. Т.Х. С. 157, 284.

* * *

О том, из каких средств оплачивать будущую революцию, декабристы задумывались еще со времен Союза благоденствия. Так, например, «предприимчивый» генерал Михаил Орлов предлагал завести фальшивомонетный станок; идея эта была с негодованием отвергнута.

Вообще же в среде декабристов высказывались две прямо противоположные точки зрения на, так сказать, «источник финансирования» их предприятия. Одна, более «прагматическая», оправдывала использование в революционных целях казенных средств: так, например, подпоручик Бестужев-Рюмин предлагал воспользоваться казенными ящиками полков. «Я чужой собственности не касался и не коснусь», – с негодованием возражал ему командир Полтавского полка полковник Василий Тизенгаузен.

Тизенгаузен был сторонником другой точки зрения, «идеалистической»: он предлагал во имя будущей революции сделать складчину среди членов тайного общества. «Я же для такого благого дела, каково освобождение отечества, пожертвую всем, что имею, ежели бы и до того дошло, чтоб продавать женины платья», – говорил он¹¹⁹.

В этих спорах голос Пестеля не был слышен. В данном случае председатель Директории предпочитал не рассуждать, а действовать.

Впоследствии, когда Южное общество было разгромлено, против Пестеля было предпринято особое расследование; Пестеля обвиняли в служебных преступлениях. Разбирательство это тянулось долго: начавшись в феврале 1826 года, оно надолго пережило главного обвиняемого и завершилось лишь в 1832 году. Сумма, на которую были заявлены казенные и частные «претензии» на Пестеля, составляла около 60 тысяч рублей ассигнациями. По тем временам это была немалая сумма.

И если гипотетически предположить, что полковник был бы оправдан по делу о тайных обществах, то по результатам этих расследований он неминуемо лишился бы полковничьих эполет и надел солдатский мундир: в 1820 году за растрату в два раза меньшей суммы был разжалован из полковников в рядовые известный декабрист Флегонт Башмаков, за получение взятки в 17 тысяч рублей лишился своей должности главнокомандующий 2 армией Л. Л. Беннигсен¹²⁰. Растраты в армии, в том, конечно, случае, если они становились известны начальству, карались жестоко.

Сразу оговорюсь: полковник Пестель никогда не был банальным расхитителем казенных средств. Хорошо известно, что он нередко жертвовал для полка и собственные деньги. Так, его приказ по полку от 7 ноября 1822 года гласил: «От суммы, предназначенной для винной и мясной порции... осталось 3,760 рублей, в каковой сумме начальство не требует никакого отчета.

Получено еще 1,080 рублей процентных денег из ломбарда... Сие составляет всего 4,840 рублей, к коим, сверх того, прибавляю я еще собственных своих 60 рублей для круглого счета; почему общий сей итог и будет 4,900 рублей.

Стараясь всеми мерами содействовать к лучшему устройству солдатской собственности, предписываю г.г. ротным командирам записать сии деньги в ротные экономические книги в приход»¹²¹.

Архивные документы дают возможность сделать другой вывод: Пестель не делал различия между собственными и полковыми суммами. А поскольку полковые суммы были на

¹¹⁹ Там же. М.: 1954. Т. XI. С. 306; Т. IX. С. 61.

¹²⁰ ВД. Т. VI. М.; Л., 1929. С. 364.

¹²¹ Плестер Л. История 62-го пехотного Суздальского полка. Белосток, 1903. Т. 4. История Суздальского (1819–1831) и Вятского (1815–1833) пехотных полков. С. 188.

несколько порядков больше его собственных, то и «расход» по полку оказался на несколько порядков выше «прихода». Нужды заговора, как показало время, требовали больших затрат.

Финансовая деятельность Пестеля в полку была практически бесконтрольной. Созданный в 1811 году специальный орган – Государственный контроль – был не в состоянии проверить отчетность каждой воинской части¹²². Командир же 18-й пехотной дивизии князь Александр Сибирский, имевший право финансовой ревизии в полках, по ряду причин (о которых речь ниже) вовсе не был заинтересован в разоблачении полковника. Естественно, не требовал отчета от Пестеля и генерал-интендант Юшневский.

Финансовые операции командира вятцев были однотипными: используя свои связи, не останавливаясь перед дачей взяток, Пестель ухитрялся по два раза получать от казны средства на одни и те же расходы: на амуниционное, ремонтное и иное хозяйственное довольствие полка.

Первый известный случай такого рода относится к маю 1823 года. Тогда командиру вятцев было выдано из Киевской казенной палаты 4915 рублей – «за купленные им материалы для сооружения в м[естечке] Линцы экзерцицгауза, склада и конюшен для полковых лошадей». А несколько месяцев спустя – 6 сентября 1824 года – на те же нужды Пестель снова получил внушительную сумму: 3218 рублей 50 копеек¹²³. Естественно, что не все вырученные деньги достались полковнику: 1000 рублей ему пришлось отдать секретарю киевского губернатора Жандру в качестве взятки.

Согласно законам Российской Империи, и в том числе принятому в 1815 году «Учреждению для управления большой действующей армией», снабжение войск обмундированием, снаряжением и деньгами для его приобретения осуществлялось централизованно. За снабжение отвечал особый государственный орган – комиссариат (комиссариатский департамент), в задачу которого входило также обеспечение армейских чинов жалованием. Исполнительными структурами комиссариата были комиссариатские депо, которые, в свою очередь, состояли из комиссариатских комиссий, ведавших конкретными статьями армейского довольствия.

После окончания войны 1812 года пехотные армейские корпуса были прикреплены к определенным – ближайшим к местам их дислокации – комиссариатским комиссиям, и только из этих комиссий обязаны были получать амуницию и деньги. Отношения армейских соединений с этими комиссиями регулировались Высочайшими указами: последний перед назначением Пестеля на должность командира полка такой указ датирован декабрем 1817 года¹²⁴. Согласно ему входивший тогда в состав 22-й пехотной дивизии Вятский полк должен был получать средства из расположенной в украинском городе Балта Балтской комиссариатской комиссии.

Однако два года спустя произошло крупное переформирование и передислокация войсковых частей, и Вятский полк оказался уже в составе 18-й пехотной дивизии. Закон же, как это нередко случалось в России, изменить забыли: хозяйственное довольствование полка стало производиться как из Балтской, так и из Московской комиссариатской комиссии. Это привело к страшной путанице и, благодаря отсутствию контроля, создало широкое поле для всякого рода злоупотреблений.

Согласно материалам расследования по Вятскому полку «отпущенные Комиссией Московского Комиссариатского депо амуниционных и в ремонт за 1825 г[од] 6000 руб[лей]» были выданы полку незаконно, «потому что на таковую потребность на тот год отпустила и Балтская комиссия».

¹²² Подробнее о системе контроля за военными расходами в начале XIX века см.: *Тиванов В. В.* Финансы русской армии (XVIII – начало XX века). М., 1993. С. 82–89.

¹²³ *Міяковский В.В.* Повстання Чернігівського полку // Рух декабристів на Україні. Харків, 1926. С. 16.

¹²⁴ Полное собрание законов Российской Империи (далее – ПСЗРИ). Собр. I. СПб., 1830. Т. 34. № 27.173.

Та же Балтская комиссия отпустила полку в 1825 году «несвоевременно и по ее произволу» 5000 рублей – «в счет жалованья» полковым чинам. Выплата произошла на несколько месяцев раньше установленного законом срока, и у следователей не осталось сомнений в том, что «произвол» этот был лишь частью аферы, подобной двум предыдущим. Если бы полковник Пестель не был арестован в середине декабря 1825 года, в срок жалованье было бы выдано снова. Тогда, по мнению следователей, эти деньги остались бы вне поля зрения «инспектора, осматривающего полк»¹²⁵.

Только благодаря этим трем однотипным операциям – 1823 и 1825 годов – Пестель получил «чистыми» 14 218 рублей 50 копеек.

С помощью этих денег командир Вятского полка пытался подкупить (и достаточно успешно) своих непосредственных начальников: командира 18-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта князя Сибирского и бригадного начальника, генерал-майора Петра Кладищева.

На допросе в Следственной комиссии хорошо осведомленный в делах тайного общества подпоручик Бестужев-Рюмин признавал, что заговорщики твердо верили в поддержку восстания силами 18-й пехотной дивизии, «которую надеялся увлечь Пестель со своим полком»¹²⁶. О природе этих надежд историки никогда не задумывались; между тем, только двое из шести полковых командиров этой дивизии (Пестель и командир Казанского пехотного полка полковник Павел Аврамов) состояли в тайном обществе.

И надежда на всю дивизию в целом могла возникнуть лишь в одном случае: если заговор готов был поддержать князь Сибирский – дивизионный командир.

В фондах Российского государственного военно-исторического архива сохранилось «Дело о подозрительном письме генерал-лейтенанта князя Сибирского к г[осподину] Заварову насчет поспешнейшей высылки денег 15 т[ысяч] рублей для пополнения суммы, недостающей в Вятском пехотном полку». Письмо это было написано Сибирским в феврале 1826 года – именно тогда, когда в связи с доносом Майборода в Вятский полк была прислана специальная ревизия. Оно было вскрыто на почте, и его содержание оказалось достойным того, чтобы обратить на себя внимание высшего армейского начальства.

«Мне непременно надо 15 т[ысяч] рублей], дабы быть покойным и отделаться от неприятностей, – писал Сибирский своему поверенному в делах. – Вы не знаете, может, что Пестель уже лишился полка, и он наделал по полку много нехорошего, много претензий на нем. И если ты, любезный, не поторопишься собрать сию сумму, то я могу лишиться дивизии... Бога ради, присылкою денег ты спасешь меня; хотя я и разорюсь, но что делать, честь моя не пострадает»¹²⁷.

В ходе расследования, проведенного в штабе корпуса, оказалось, что 29 июля 1825 года князь Сибирский взял из артельной кассы Вятского пехотного полка 12 тысяч рублей – внушительную сумму. Деньги эти были выданы князю лично Пестелем: еще в 1822 году он издал приказ по полку, согласно которому распоряжаться артельными суммами без его ведома никто не имел права¹²⁸. Предпринимая комбинацию с артельными деньгами, Пестель и Сибирский позаботились о соблюдении внешних приличий. Сибирский написал «повеление» «о получении сей суммы», и о том, что деньги эти предназначены для «определения» в ломбард.

Правда, за полгода, прошедших до ареста полковника, он ни разу не поинтересовался судьбою этих денег, впоследствии же ведавшая подобными вкладами экспедиция сохранной казны Санкт-Петербургского опекунского совета отозвалась полным неведением о них.

¹²⁵ РГВИА. Ф. 14057. Оп. 16/183. Св. 634. Д. 88. Л. 25–25 об.

¹²⁶ ВД. Т. IX. С. 83.

¹²⁷ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4/847. Св. 18. Д. 203. Л. 1.

¹²⁸ Плестерер Л. Указ. соч. С. 182.

Согласно документам командир бригады Кладищев вынужден был в июне 1827 года внести шесть тысяч рублей в счет амуниционных денег Вятского полка¹²⁹. По некоторым сведениям, Пестеля и Кладищева связывали не только «деловые отношения», но и личная дружба. У Пестеля и его бригадного генерала была возможность постоянного ежедневного общения: штаб бригады, как и штаб Вятского полка, находился в Линцах¹³⁰.

И к концу своей деятельности заговорщика Пестель мог быть полностью уверен в том, что дивизионный и бригадный командиры не смогут эффективно противиться будущей революции.

* * *

С 1824 года главным помощником Пестеля в его финансовых операциях стал капитан Вятского полка Аркадий Майборода, принятый своим командиром в Южное общество и впоследствии предавший заговор.

Аркадий Иванович Майборода, происходивший «из дворян Полтавской губернии Кременчугского уезда», вступил в службу рано, 14 лет от роду. Учебных заведений он не заканчивал, и начал свою карьеру в качестве юнкера в армейском полку. Всю жизнь он оставался крайне необразованным человеком. «Российской грамоте читать и писать и арифметику знает», – гласит его послужной список. Судя по всему, этим исчерпывались его познания в науках. Документы, написанные рукою Майбороды, и в том числе его знаменитый донос, поражают своей безграмотностью.

В Отечественной войне и заграничных походах Майборода не участвовал – очевидно, по молодости лет. Поэтому за годы войны никакого продвижения по службе он не достиг: только прослужив пять лет, стал армейским прапорщиком. Итог первого этапа его службы разительным образом отличался от итога службы Пестеля. Пестель вступил в службу лишь на девять месяцев раньше Майбороды, но у него за плечами были уже Пажеский корпус и война – и поэтому к 1817 году был уже штабс-ротмистром Кавалергардского полка и кавалером пяти боевых орденов¹³¹.

В Вятском пехотном полку, которым командовал полковник Пестель, Майборода появился 24 мая 1822 года¹³². Рекомендовал штабс-капитана Пестелю поручик-заговорщик Николай Басаргин, который считал Майбороду отличным знатоком «фрунтовой науки». Впоследствии Басаргин всю жизнь не мог простить себе этой рекомендации¹³³.

Карьера Майбороды сразу пошла в гору: он получил под свою команду 1-ю гренадерскую роту и в апреле 1823 года стал капитаном. Осенью того же года за удачное участие 1-й гренадерской роты в Высочайшем смотре Пестель представил его к награде. Майборода получил первый в своей жизни орден – Св. Анну 3-й степени¹³⁴. Еще через некоторое время – в августе 1824 года – Пестель принял Майбороду в тайное общество. Полковник искренне полюбил капитана: об этом свидетельствует, в частности, составленное Пестелем в конце 1824 – начале 1825 года завещание. В завещании часть своих личных вещей он оставлял Майбороде¹³⁵.

Впоследствии в своем знаменитом доносе на высочайшее имя Майборода утверждал, что сознательно вступил в общество для того, чтобы предать его правительству. Однако историки

¹²⁹ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4/847. Св. 18. Д. 203. Л. 17 об., 7, 5, 25; Ср.: Ф. 395. Оп. 85. 2 отд., 4 ст., 1830. Д. 1037. Л. 1.

¹³⁰ ВД. Т. XIX. С. 430–431. Ср.: *Лорер Н. И.* Указ. соч. С. 78.

¹³¹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 324, 5 отд., 1819. Д. 247. Л. 2; Оп. 22, 1 отд., 2 стол, 1833. Д. 892. Л. 7; Там же. Оп. 278, канц., 1842. Д. 549. Л. 3 об, 4 об.; Там же. Оп. 278, канц., 1842. Д. 549. Л. 3 об. – 4, 5. См. также: ВД. Т. IV. С. 8–9.

¹³² РГВИА. Ф. 395. Оп. 278, канц., 1842. Д. 549. Л. 5.

¹³³ *Басаргин Н. В.* Указ. соч. С. 77–78.

¹³⁴ РГВИА. Ф. 395. Оп. 278, канц., 1842. Д. 549. Л. 5, 10.

¹³⁵ *Пестель П. И.* Завещание // Красный архив. 1925. Т. 6 (13). С. 320.

весьма скептически относятся к этому его утверждению: показания членов Южного общества на следствии рисуют капитана ревностным заговорщиком, искренне преданным своему начальнику по заговору¹³⁶. Он, например, помогал Пестелю наблюдать за настроениями офицеров в полку, изобретал пути добычи денег для «общего дела» и даже привез своему шефу из Тулы духовое ружье, которое Пестель планировал пустить в ход в случае начала революции¹³⁷. По словам командира Вятского полка, Майборода всегда оказывал ему «большую преданность»¹³⁸.

Другую версию причин доноса Майбороды излагают многочисленные мемуаристы. Так, например, Н. В. Басаргин замечает: «В 1825 г[оду] он (Майборода. – О.К.) отправлен был Пестелем в Москву для приемки из комиссариата вещей и каких-то сумм. Промотав там деньги и видя, что ему предстоит гибель, он решился на донос»¹³⁹. А весьма информированный князь Волконский в своих воспоминаниях рассказал эту историю подробно: «Постепенно входя в доверие, он (Майборода. – О.К.) сделался близким к нему (Пестелю. – О.К.) человеком и высказал ему, что если он ему поручит прием комиссариатских вещей и выхлопочет получение оных и заготовление многих заказов для полка в Москве, то все это будет сделано выгодно им в лучшем виде. Пестель обделал, что прием вещей был назначен прямо из Московской комиссии, где удобно можно сойтись с подрядчиками и сделать вольные заказы. Это поручение было Майбороте дано, но впоследствии оказалось, при возврате его, что все обещанное им не исполнено по ожиданиям, и в полученных деньгах Майборода не мог дать надлежащего отчета и потому следовал к законной каре»¹⁴⁰.

Мемуаристам вторят историки: по их мнению, мотивами, побудившими Майбороду сделать донос, были «невозможность отчитаться в истраченных казенных деньгах» и «опасение быть преданным суду за злоупотребления в бытность приемщиком вещей от Вятского полка из комиссии Московского комиссариатского депо, о которых узнал Пестель»¹⁴¹.

Между тем, для того, чтобы правильно оценить обстоятельства этого доноса, мало знать, что его причиной действительно было некое финансовое злоупотребление Майбороды и что оно случилось «в бытность» капитана «приемщиком вещей» из комиссии Московского комиссариатского депо. Важно понять, что это была за командировка, и какие надежды на нее возлагал сам Пестель.

И мемуаристы, и историки ошибаются, когда говорят о том, что из комиссии Майборода должен был получить лишь вещи для полка. Капитан должен был получить не только вещи, но и деньги, шесть тысяч рублей, – и это была одна из тех трех крупных внешних финансовых операций Пестеля, сведения о которых дошли до нас. Операция эта получила в официальных документах название «предмет о 6-ти тысячах».

Появившись в Москве в начале 1825 года, Майборода предъявил в комиссариатскую комиссию подписанный полковым командиром вятцев и датированный 27 октября 1824 года рапорт следующего содержания: «По случаю болезни полкового казначея командиром избранного корпусом офицеров и утвержденный дивизионным начальником за казначея капитан Майборода, которому покорнейше прошу оную комиссию отпустить все вещи и деньги, следуемые полку против табели, у сего представляемой».

Рапорт этот, сохранившийся в материалах полкового следствия, содержал неверные сведения: полковой казначей капитан Бабаков в этот момент не был болен, он находился в Балт-

¹³⁶ ВД. Т. IV. С. 59–69 – показания поручика Вятского полка М. П. Старосельского от 25.12.1825 г.

¹³⁷ Волконский С. Г. Указ соч. С. 380; ВД. Т. IV. С. 51–52, 192.

¹³⁸ ВД. Т. IV. С. 52.

¹³⁹ Басаргин Н. В. Указ. соч. С. 78. Ср., напр., Трубецкой С. П. Указ. соч. С. 229.

¹⁴⁰ Волконский С. Г. Указ. соч. С. 380.

¹⁴¹ Троцкий И. М. Ликвидация Тульчинской управы Южного общества // Былое. 1925. № 5 (33). С. 53; Плестерер Л. Указ. соч. С. 211.

ской комиссии, где тоже принимал для полка деньги. Очевидно поэтому, что никакой «корпус офицеров» Майбороду «за казначея» не избирал, поехал же капитан в Москву по прямому приказу Пестеля и с ведома дивизионного командира, князя Сибирского.

«Майборода, – сообщается в “окончательном” докладе по этому делу, подготовленном в 1832 году Аудиториатским департаментом, – являсь в Московскую комиссию, получил от оной сукно и краги; а как Пестель по той ведомости требовал и деньги, то Комиссия, не имея разрешения от своего начальства на отпуск оных, выдала однако же Майбороте 9-го февраля 1825 года 2000 рублей, но выдачею прочих денег остановилась»¹⁴².

Отправляя Майбороду в Москву, Пестель приказал ему в случае какой-либо заминки, связанной с отказом выдать деньги, немедленно забирать полковое требование и возвращаться назад. Однако капитан приказа не исполнил и, «будучи не удовлетворен во всем по табели и ведомости, жаловался о том бывшему генерал-кригс-комиссару Путята»¹⁴³.

Василий Иванович Путята, возглавлявший в 1821–1822 годах Московскую комиссариатскую комиссию, а затем руководивший комиссариатским департаментом Военного министерства, был, скорее всего, старым знакомым Пестеля. По крайней мере, точно известно, что в конце 1810-х годов Пестель и Путята состояли в одной масонской ложе – ложе Трех добродетелей¹⁴⁴.

Кроме того, генерал-кригс-комиссар был отцом известного пушкинского приятеля и литератора Николая Путяты. В показаниях Майбороды сохранилось любопытная подробность: перед отъездом Пестель давал ему «наставления», как себя в Москве вести. При этом командир полка заметил, что генерал-кригс-комиссар «всегда был к нему ласков». А на вопрос Майбороды «не принадлежал ли и он к тайному обществу», ответил: «Нет, сын его наш»¹⁴⁵.

Получив жалобу Майбороды, Путята-старший отдал приказ незамедлительно выдать недостающие суммы.

«Почему Московская комиссия к прежде отпущенным 9-го февраля двум тысячам рублям, выдав Майбороте 16-го марта 2000 рублей и 1-го апреля еще 2000 рублей, донесла о том 30 апреля 1825 года Комиссариатскому департаменту и уведомила того же числа Пестеля и Балтскую комиссию; но сия, до получения еще такового уведомления, и именно 26-го февраля того года, по вступившему в оную от Пестеля рапорту, те же ремонтные и амуничные деньги на 1825 год, всего 4759 рублей, 18 ³/₄ коп[ейки], отпустила полковому казначею Бабакову. По сему одни и те же деньги по требованиям Пестеля выданы из комиссии двойным числом»¹⁴⁶.

Однако деньги из Московской комиссии до Пестеля не дошли: Майборода их попросту присвоил. В этом едины и официальные документы следствия, и мемуары, и свидетельства военного историка Л. Плестерера, работавшего с исчезнувшими уже в XX веке материалами полкового архива вятцев¹⁴⁷.

С точки зрения обыкновенной человеческой логики присваивать эти деньги было весьма глупо. Майборода по службе был полностью зависим от Пестеля, при этом полковник давал ему немало возможностей для карьерного роста. Кроме того, если бы победила замышляемая Пестелем революция – карьере Майбороды позавидовали бы многие. Растрата же означала крах всех его надежд.

Но и для Пестеля эта растрата означала большие неприятности. Опасаясь, что отсутствие денег из Московской комиссии будет вскрыто на инспекторском смотре, командир полка

¹⁴² РГВИА. Ф. 14414. Оп. 10/291. Св. 292. Д. 605. Л. 412 об.

¹⁴³ РГВИА. Ф. 14414. Оп. 10/291. Св. 292. Д. 605. Л. 305, 341, 337, 310 об.

¹⁴⁴ Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 636, 674, 1103, 1104.

¹⁴⁵ ВД. Т. IV. С. 77.

¹⁴⁶ РГВИА. Ф. 14414. Оп. 10/291. Св. 292. Д. 605. Л. 412 об. – 413.

¹⁴⁷ Плестерер Л. Указ. соч. С. 211.

уговорил нескольких офицеров подписать вместе с ним полковую книгу, в которой содержалась запись о «наличии» этих денег. Согласились на это десять офицеров-вятцев, сослуживцев Пестеля¹⁴⁸.

Естественно, что личные отношения Пестеля и Майборода после этой истории были разорваны. О растрате Пестель узнал в начале лета 1825 года, и после этого, по его собственным показаниям, «весьма сухо» обходился с капитаном¹⁴⁹. Однако несмотря на «сухость» обхождения Пестеля Майборода имел все основания полагать, что командир покроет и будет продолжать покрывать его растраты. Иначе под «ответственностью» окажутся и он, и вся его тайная организация. Понимал он, что недостача в полку не будет раскрыта и замешанными в «операции» Пестеля дивизионным и бригадным командирами.

Растрату капитана Пестелю необходимо было восполнить, в противном случае история с двойной выдачей сумм могла вскрыться в любой момент. Между тем, сам Пестель был беден, жил только на жалованье, и денег для этого у него оказалось.

Юшневский, скорее всего, имел представление о финансовых операциях Пестеля: пытаясь найти деньги, Пестель обратился за помощью именно к нему. В июле 1825 года командир Вятского полка посылает к генерал-интенданту своего денщика – с просьбой «по секрету взять от него денег». Но к Юшневскому посланец Пестеля не попал. Князь Барятинский «отправил его обратно к Пестелю с запискою, что г. Юшневского не было в Тульчине»¹⁵⁰. Сведениями о том, что генерал-интендант отлучался в это время из главной квартиры, мы не располагаем; более того, если он все же уезжал, ничего не мешало ему дать необходимые Пестелю деньги после приезда. Но, судя по материалам полкового следствия, Пестелю до самого своего ареста не удалось покрыть растрату Майборода. Скорее всего, Юшневский просто не хотел выполнять его просьбу о присылке денег.

Финансовая нечистоплотность руководителя заговора, поставившая всю тайную организацию на грань провала, вряд ли могла вызвать сочувствие у честного генерал-интенданта. С лета 1825 года отношения между обоими руководителями Директории становятся весьма напряженными. Они прерывают между собой личные контакты и общаются только в самых крайних случаях через специальных, особо доверенных курьеров.

* * *

Тогда же, летом 1825 года, согласно показаниям члена Южного общества квартирмейстерского подпоручика Владимира Лихарева, стать членом тайного общества пожелал начальник военных поселений юга России, генерал-лейтенант граф И. О. Витт. Через своего «доверенного человека», помещика А. К. Бошняка, знакомого с Лихаревым, он выведал тайны заговорщиков, а потом сообщил им, что для исполнения их предприятия «предлагает содействие всех поселений». При этом Витт не хотел быть в заговоре «второстепенным лицом» и потребовал, «чтобы все ему было открыто». В общество его не приняли. И тогда 18 октября генерал специально приехал в Таганрог, чтобы донести на заговорщиков императору Александру I¹⁵¹.

История доноса Витта на декабристов, несмотря на почти столетнее исследование, до сих пор до конца не выяснена. Почти все историки, занимавшиеся этим доносом, утверждали, что и Витт, и его агент Бошняк были провокаторами, задачей которых было «выведать» состав

¹⁴⁸ РГВИА. Ф. 14414. Оп. 10/291. Св. 292. Д. 605. Л. 355.

¹⁴⁹ ВД. Т. IV. С. 167.

¹⁵⁰ ВД. Т. XIX. С. 430.

¹⁵¹ ВД. Т. XII. С. 91–92; См.: Троцкий И. М. Указ. соч. С. 50.

тайного общества и предать его правительству¹⁵². Пестель же, получивший заманчивое предложение Витта, был не столь однозначен в его оценке. На следствии он показывал, что это предложение «не было принято, но и не было решительно отвергнуто»¹⁵³.

Генерал-лейтенант граф Иван Осипович Витт (1781–1840) – человек яркий и неординарный. Его личный архив, к сожалению, не сохранился – и поэтому мнение о нем можно составить прежде всего по воспоминаниям современников. Сын польского офицера и знаменитой в свое время красавицы и авантюристки гречанки Софьи Потоцкой, Витт был человек крайне тщеславный. «Полный огня и предприимчивости, как родовитый поляк», Витт «с греческою врожденною тонкостью умел умерять в себе страсти и давать им даже вид привлекательный» – так характеризовал генерал-лейтенанта проницательный мемуарист Ф. Ф. Вигель, добавляя, что его «умственная и телесная» деятельность «были чрезвычайны: у него ртуть текла в жилах»¹⁵⁴.

Вся жизнь генерала Витта – это головокружительная авантюра, связанная с разведывательной деятельностью. С юных лет он служил в русской гвардии, принимал участие в военных действиях начала XIX века, под Аустерлицем (1805) был контужен, в 1807 году вышел в отставку. В 1809 году Витт перешел на сторону Наполеона и снова начал воевать – на этот раз в составе французской армии. В 1811 году он – тайный агент Наполеона в Великом герцогстве Варшавском.

В 1812 году Витт вернулся в Россию, сформировал на свои деньги несколько казачьих полков и с ними прошел всю Отечественную войну. Император Александр никогда не считал его изменником и не поминал прошлое: видимо, у Наполеона генерал исполнял его собственные задания. После войны Витт командовал крупными воинскими соединениями, внедрял в России военные поселения – и неизменно выполнял конфиденциальные поручения императора. «Секретной» шпионской деятельностью он активно занимался и позднее, при Николае I¹⁵⁵

¹⁵² См.: Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 2. С. 197; Троцкий И. М. Указ. соч. С. 50.

¹⁵³ ВД. Т. IV. С. 84.

¹⁵⁴ Вигель Ф. Ф. Записки: в 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 1087–1088.

¹⁵⁵ См.: Кавалеры ордена Святого Георгия Победоносца I и II степени: Биографический словарь. СПб., 2002. С. 423.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.